

ЗЕЛЕНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 13-14

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

ПАПОЧКА СЪ УЛИЦЫ

**РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ**

Зелеца Библіотека

№ 13-14

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

Папочка съ улици Въ чужой клѣткѣ

повѣсти

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

BUCHDRUCKEREI KUMMER & Co.
BERLIN C2, NEUE PROMENADE 6

ПАПОЧКА СЪ УЛИЦЫ.

I.

Выбѣжала въ эту ночь, въ чемъ была. Некогда было думать и ждать. Чувствовала себя всю захватанною грязными, потными руками. Что оставалось въ душѣ чистаго и яснаго, потускнѣло отъ нихъ. Даже не соображала, куда ей дѣваться. Скорѣе вонъ изъ этого дома, изъ душныхъ комнатъ, гдѣ окна были завѣшены тяжелыми гардинами, задвинуты внутренними ставнями. Снаружи, съ улицы, казались слѣпыми, точно за ними, въ сплошномъ мракѣ, никто не жилъ. Сюда ее завезли обманомъ, и когда она хотѣла уйти, — за нею щелкнулъ замокъ массивныхъ дверей. Рыхлая баба съ безцвѣтными, судачьими глазами коротко объявила: «И не съ такими справлялись. У насъ на это просто. За тебя деньги плачены. Куда ты пойдешь безъ паспорта? Сдѣлаемъ объявку, — и сюда же доставятъ. Еще въ арестантской насидишься, казенныхъ клоповъ покормишь! Сколько у насъ вещей пропало! Докажи, что не ты!»... Билась головою въ стѣну, рыдала, ползала на колѣняхъ, — и на все ей равнодушно отвѣчали: «Слыхали, видѣли! Не ты первая. Потомъ сама поблагодаришь. Такая же

была у насъ гимназистка... Изъ петли ее вынули, а нынче она по набережнымъ въ собственномъ автомобилѣ... Рукой не достанешь. Перья то на шляпѣ такія задраны, — всю тысячу отвалить надо! Такъ ей пофартило. Старайся и ты... Къ намъ шарлатаны не ходятъ: по ночамъ хоть биржу открывай, — народъ денежный»... Пускали къ ней какихъ-то пьяныхъ. Одинъ оралъ: «Мои деньги плачены!», требовалъ для ввода во владѣніе ею господина околоточнаго и, весь исцарапанный, — какъ же ей было защищаться иначе? — выскочилъ вонъ. Чего стоило судачьимъ глазамъ успокоить его! И били же потомъ несчастную. Живого мѣста на ней не оставили. Все тѣло саднѣло, ломило въ костяхъ, ныло. Швырнули обезсиленную, какъ падаль, и послѣ грозились Иванъ Федоровичемъ, а она по рассказамъ знала уже этого залпечнаго мастера, хваставшагося, что у него кулаки «по особому заказу, на смертный убой». Дѣвушка въ комнатѣ рядомъ, до сихъ поръ отъ такихъ не оправилась. Сквозь стѣну слышно, — напролетъ цѣлые дни кашляетъ. Встрѣтила ее какъ-то: большіе въ черныхъ кругахъ глаза, въ которыхъ замеръ вѣчный ужасъ, блѣдное, въ подтекахъ, лицо. Вся въ трепетѣ, въ рабьей покорности...

II.

Какъ это случилось, — сама она понять не могла.

Только ея двери оказались отворенными... Коридоръ пустъ, изъ кухни голосовъ не слышно. Сунулась туда, — никого. Выходъ на черную

лѣстницу настѣжь. Позади, на плитѣ, шипитъ и кипитъ что-то. Удушливый чадъ стоитъ тучей. Скользкія, мокрыя ступени; темные клубки разбѣгающихся кошекъ. Пустынный дворъ. За дровами не видно, какъ проскользнула она въ ворота съ соннымъ дворникомъ, даже не поднявшимъ на нее отяжелѣвшихъ вѣкъ, — и улица, улица, улица. Сырая, холодная, но свободная. Скользіе тротуары. Хорошо еще, что платокъ захватила. Обернула голову и шею. Подъ ногами (въ легкихъ туфляхъ!) хруститъ снѣгъ. Морозъ щиплетъ, захватываетъ дыханіе... Куда она?... Куда-нибудь, — въ пространство, въ пустоту, въ неизвѣстность; только не назадъ, въ позорный застѣнокъ, гдѣ она какимъ-то чудомъ уцѣлѣла. Да и нельзя, нельзя. Вернись, — попадешь прямо подъ желѣзные кулаки пьянаго вышибалы. Заколотятъ до смерти. А, вѣдь, тамъ и избитыя женщины — товаръ. Есть любители чахоточныхъ. Судачьи глаза все расцѣпили! За ихъ кажущимися бѣльмами — ни искры сожалѣнія. Ей нужно вымотать изъ полыхающагося, какъ подбитая птица, тѣла свое. Имъ-то она не поступится. Нѣтъ, скорѣе, скорѣе впередъ, подальше отъ этого ужаса, — можетъ-быть, на еще худшій, только другой, не оледенявшій всѣ эти дни ея сердца...

III.

Мимо бѣгутъ куда-то гимназистки. Вѣдь, еще годъ назадъ она сама, въ такомъ же кофейномъ платьицѣ и черной пелеринкѣ, счастливая и веселая, какъ щегленокъ весною, моталась по далекому род-

ному городу. Случилось неожиданное, страшное... Отца привезли домой безъ языка. Онъ что-то мычалъ, пристально пуча на нее налитые кровью глаза. Видимо, мучился, что не могъ сказать ей самаго необходимаго, самаго важнаго. Силился встать, порывался куда-то... Къ утру и мычать пересталъ. Сидѣлъ неподвижный, грузный; только въ горлѣ у него хрипѣло, всхлипывало, да въ груди, въ бронхахъ, точно шуршали сухіе листья. Къ вечеру его не стало. Потомъ пріѣзжали чужіе, какихъ она никогда и не видѣла; все осматривали, записывали, выбирали, вывозили. Матери у нея давно не было. Дѣвочка помнила только розовое личико, молодое, съ радостными васильковыми глазами и смѣшливыми, то-и-дѣло складывавшимися въ улыбку губами. Была ли наяву такая? Потомъ она во снѣ мерещилась, но чѣмъ дальше, тѣмъ тусклѣе. Точно время и въ смутномъ отраженіи прошлаго стирало румянецъ щекъ, гасило голубой блескъ взгляда, гнало улыбку съ блекнувшихъ устъ... Все, что было въ домѣ, продали. Въ пустыхъ комнатахъ осталась она одна, испуганная, голодная, какъ забытая въ опустѣвшей квартирѣ кошка. Наконецъ, откуда-то появилась старуха. Сказалась родственницей, перевезла ее къ себѣ. Продержала цѣлый годъ, а потомъ съ другою такою же, остроносою и косоватою, сговорилась отправить ее въ Петербургъ, на мѣсто... Дѣвушку зачѣмъ-то раздѣвали, осматривали, какъ рабыню на невольничьемъ рынкѣ, долго шушукались, запершись, спорили и, поладивъ, собрали и отвезли на вокзалъ. Всю дорогу косоглазая утѣшала ее: «Будешь кушать миндальныя пирожныя серебряными ложками, въ шелку ходить и сладкое пить... Ты только слушайся, а ужъ тебѣ, — счастливица! — предоставятъ тамъ всякія удовольствія. Каждый вечеръ музыка и легкіе танцы. Кавалеры на-

подборъ, и все богатые, богатые!». — «А что же я должна буду дѣлать?». — «Самое нетрудное... Тамъ тебѣ скажутъ»...

И сказали!..

IV.

Холодно. Господи, какъ холодно!.. Стужа, точно костлявыми ледяными пальцами, хватаетъ за ноги. Руки коченѣютъ... А тутъ еще платокъ то-и-дѣло сползаетъ, обнажая изъ-подъ нелѣпаго краснаго платья открытую грудь. Насквозь, точно иглами, нижетъ ее морозъ. Тяжело дышать. Она и то хватаетъ воздухъ мелкими глотками, какъ загнанная лопадь. Хорошо, что темно! Днемъ въ такомъ видѣ не сдѣлала бы и двухъ шаговъ. Хоть и теперь люди оглядываются, — ужъ очень она кажется имъ странной. Смѣются... Какъ бы не остановили еще! Гдѣ потемнѣе, не такъ страшно, но на перекресткахъ или у магазиновъ, откуда электрическій свѣтъ ярко льется на панели! Жутко-жутко! Ее нарочно толкаютъ. Кто-то за руку схватилъ. Щиплютъ. Какой-то пьяный силой къ извозчику потащилъ, — едва она отбилась и бѣгомъ кинулась прочь... «Лови мамашку», — слышится ей вслѣдъ, но она уже на другой, темной сторонѣ улицы и спѣшитъ въ переулокъ. Совсѣмъ охота на живье, только что собачьей стаи нѣтъ позади... Дурацкій шлейфъ путается между ногами. Наклонилась, подобрала его да скорѣе опустила, — вѣдь, въ проклятомъ домѣ подъ платьемъ, кромѣ короткой рубахи, ничего не полагалось... Бѣжала-бѣжала. Кто-то раскрылъ руки ей навстрѣчу. Оно сослѣпу попала въ нихъ.

Цѣпко обняли ее, а изъ ослабившагося рта такъ и пахнуло отвратительнымъ пьянымъ угаромъ. Точно слякотью въ лицо попало... «Не хочешь, тварь!» — слышится за ней... Слава Богу... Городовой обезпокоился-было, да у извозчика лошадь около поскользнулась и упала. Кинулся туда, — наводить порядокъ. Дѣвушка шмыгнула на пустынную площадь... Какой-то ровъ. За ровомъ — бѣлыя деревья, точно невѣсты въ фатѣ вѣнчальной... И, какъ съ невѣстъ лепестки апельсиновыхъ цвѣтовъ, съ нихъ осыпается снѣгъ... Ревутъ автомобили... Больше силъ нѣтъ. Одурманило. Вотъ-вотъ замученное сердце разорвется... Точно невидимыя руки хватаютъ ее за горло, сжимаютъ, и все кругомъ вертится. Какая-то чугунная рѣшотка, опять бѣлыя невѣсты... Нагло и грозно выпученныя очки моторовъ... Еще шагъ, и рухнетъ въ ровъ. Прислонилась къ фонарному столбу. Умереть бы... Куда дѣваться? Мертвую не оставляютъ. Мертвой найдутъ пристанище... Живой некуда, кромѣ проклятаго дома... Развѣ подъ колеса... Полураздавленную подберутъ. Отправятъ въ больницу. Нѣсколько сытыхъ, теплыхъ дней, а тамъ, если уцѣлѣешь, опять подлое гнѣздо... Только и опоры сейчасъ, что этотъ фонарь...

V.

— Что съ вами?... Боже мой!.. Да вы совсѣмъ ребенокъ. Откуда вы?..

У нея уже засыпанныя снѣгомъ вѣки начали слипаться. Едва-едва разжала ихъ. Смутно различаетъ передъ собою сѣдую бороду, блѣдное, въ мор-

пинахъ, старческое лицо. Воротникъ мѣхового пальто поднять. Оно точно тонетъ въ этомъ мѣху. Изъ-подъ очковъ глаза сверлятъ, а голосъ ласковый, обволакивающий.

— Кто это васъ выпустилъ на улицу такъ?... Вы замерзнете... Откуда вы?..

И опять тотъ же вопросъ...

— Что съ вами?... Не бойтесь. Скажите мнѣ, какъ отцу... Повѣрьте.

Беретъ ея окоченѣлую руку... Ея пальцамъ тепло. Точно горячей волной пахнуло на дѣвушку. Она давно не слышала участія. Довѣрчиво поднимаетъ на него глаза. Что то перехватываетъ слова въ ея горлѣ. Рвутся беспорядочно. То застрянуть, то просыплются, и она торопится-торопится, чувствуя, что сейчасъ подступятъ рыданія и не дадутъ ей сказать самого главнаго, самого важнаго, но что сказать такъ больно, такъ обидно, такъ стыдно, такъ трудно...

— Бѣжала... Меня продали... Мучили... Били... За что, за что?! Я ничего не знала... Какъ овцу на бойню... Какъ овцу на бойню...

Повторила, что слышала тамъ, рядомъ въ комнатѣ. Захирѣвшая подъ кулаками сосѣдка въ истерикѣ повторяла это.

Онъ, видимо, съ полуслова понимаетъ, въ чемъ дѣло... Пытливо всматривается...

— Сколько же лѣтъ вамъ?

— Семнадцать...

— Вы учились гдѣ-нибудь?..

— Да... да... Какъ же... Изъ гимназіи взяли. Не дали кончить.

— Что же, тамъ, въ этомъ... домѣ... вы давно?..

— Недѣлю...

— И... уже?..

Какъ странно звучить его голосъ!.. Но она поняла все оскорбительное значеніе его вопроса и спѣшить точно оттолкнуть, — даже руки протянула окоченѣвшими ладонями впередъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я боролась.

Кричить... Точно его слова кнѣтомъ по сердцу бьютъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... Никогда, ни за что...

И будто рѣка, прорвавшая плотину, — рыданія на всю эту площадь... Забилась, какъ птица въ когтяхъ... Давится. Ладонью ротъ закрываетъ. Сама себя ненавидитъ въ эту минуту, потому что и старикъ испугался. Хотѣлъ-было прочь кинуться.

— Тихе... Тихе... Народъ сбѣжится. Такъ васъ бросить нельзя... Пропадете... Замерзнете, или васъ заберутъ въ участокъ и опять вернуть...

— Лучше убейте... Лучше не знаю что, куда...

— Пока я васъ приючу у себя. Не бойтесь, я вамъ въ дѣдушки гожусь. Навѣрно, вашъ отецъ былъ моложе... А потомъ посмотримъ...

Обнялъ ее, ведетъ. Мимо, — точно темный склепъ, — на колесахъ громадная карета. Съ колеса на колесо громыкаетъ... Дѣвушка не понимаетъ, какъ она очутилась въ ней, во мракѣ рядомъ съ этимъ теплымъ мѣхомъ. Изрѣдка фонари заглядываютъ въ этотъ мракъ; она сквозь слезы, точно черезъ облитыя дождемъ окна, различаетъ сѣдые встопорщенные усы и странную улыбку...

— Вамъ холодно... Вамъ скорѣй согрѣться... Выспаться... А завтра я постараюсь добыть вашъ паспортъ. У меня въ градоначальствѣ знакомые. Все, что можно, сдѣлаю. Во всякомъ случаѣ, назадъ не верну. Этакій цвѣтокъ въ грязь... Не бойтесь...

Большой домъ... Лѣстница, — высоко-высоко подымается колѣнами. Комнаты, гдѣ въ сумракѣ

блестить позолота рамъ и бездонною глубио чюдятся зеркала. Мягкіе ковры... Она обжигается горячимъ чаемъ. Отходить отъ стужи... Теплая мягкая постель и сонъ, сонъ, сонъ... Сонъ, какого она давно-давно не знала...

VI.

Такъ все тепломъ и покоемъ обернулось, — рая не надо!

«Папочка» куда-то ѣздилъ. Приходили свѣтлыя пуговицы, разспрашивали дѣвушку, писали бумаги, раза два ее вызывали, но старикъ послалъ, вмѣсто нея, свидѣтельство о болѣзни, и ее не тревожили. Наконецъ, околоточный привезъ паспортъ. Паспортъ заперли въ столъ, и все оказалось въ порядкѣ.

Она теперь цѣлые вечера просиживала въ большомъ, глубокомъ креслѣ и прислушивалась къ тишинѣ. Нѣкоторое время еще боялась выходить на улицу. Мерещились негаданныя встрѣчи. Даже подъ-руку со своимъ покровителемъ оглядывалась, будто ждала удара вслѣдъ.

Къ старику, какъ улитка къ раковинѣ, привязалась всей душой. Оторви ее теперь, — кровь брызнула бы...

Мирилась даже съ его странностями...

Онъ любилъ сажать ее передъ каминомъ къ себѣ на колѣни и какъ-то порывисто, даже порою больно ласкалъ ее. Когда она пробовала встать, отойти, — его руки, какъ клещами, держали ее. Весь въ багровыхъ пятнахъ, хрипло смѣясь, онъ успокаивалъ ее.

— Чего ты?... Испугалась? Папочку-то? Вѣдь, папочка тебя любить. Вѣдь, на всемъ свѣтѣ у тебя только и есть, что сѣденькій старичокъ и этотъ уголокъ тихій...

И она молчала, когда сухія и холодныя губы шарили по ея лицу, шеѣ.

Еще бы не молчать! Разъ какъ-то она тревожно заговорила:

— Зачѣмъ вы это?... Нехорошо... Неловко... Стыдно...

— Вотъ и видно, что у тебя настоящаго отца никогда не было. Сама рассказываешь: онъ все въ клубѣ сидѣлъ. Утро — на службѣ, а вечеромъ — тамъ. Ему некогда было и приласкать свою дурочку... Милую... Вотъ такъ...

И она подчинялась и только изрѣдка сжималась и шопотомъ говорила ему:

— Какіе у васъ глаза... Мнѣ иногда страшно...

— У меня глаза молодые...

— Точно насквозь...

— Съѣсть хотятъ Красную шапочку.

И оба смѣялись, — она принужденно, насилуя себя, а онъ — добродушно...

— И дурочка же ты. Другія хорошія дѣвочки сами обоймутъ и приласкаютъ папочку... Папочка одинъ, у него никого, кромѣ тебя, на свѣтѣ. Его никто не любилъ...

И ей становилось жаль его.

Она обнимала багровую, морщинистую шею тонкими ручками и нѣжно прижималась къ его шершавой, сухой щекѣ...

VII.

Читали вдвоемъ...

И книги какія! Въ своемъ далекомъ родномъ гнѣздѣ она подобныхъ не знала. Можетъ-быть, онѣ и тамъ были, только ей не давали ихъ. Все о любви да о любви...

— Зачѣмъ это?... Стыдно...

Онъ, вѣдь, заставлялъ ее читать ему вслухъ...

— Какъ зачѣмъ?... Тебѣ восемнадцатый. Надо знать все, что въ жизни бываетъ. Нельзя расти дурочкой. Оттого вы и пропадаете, какъ мухи осенью, что желторотыми птенцами на весь міръ изъ гнѣзда смотрите.

— Да я знаю... Въ этомъ домѣ...

— Сама говоришь, что ничего не видала.

— Не хотѣла, а только слышала... Рядомъ, вѣдь, случалось, у чахоточной этой... Разъ ко мнѣ кавалера впустили... Я его головой въ стѣну. Потомъ мадамъ меня цѣлый часъ пощечинами. Лицо вспухло. Ледъ прикладывали...

— Это совсѣмъ не то. Какая тамъ любовь! Насиліе, издѣвательство. А здѣсь, — чтобы обоимъ было хорошо... Развѣ ты мнѣ не вѣришь?

— Вѣрю... Какъ же не вѣрить.

— Ну, такъ вотъ... Если есть счастье въ жизни, такъ только въ такой любви.

— Да, вѣдь, нехорошо... Въ этой книгѣ... Какъ можно писать такъ...

— Что?..

— Какъ же... Оба раздѣлись... Какъ имъ не стыдно.

— Такъ, вѣдь, оба. Если бы одна, — ну тогда другое дѣло...

И она задумывалась, а что-то непривычное, одурманивающее окутывало ее удушливымъ туманомъ.

VIII.

Уходя, онъ нарочно оставлялъ на столѣ скверныя, запретныя фотографіи.

Сначала онѣ точно обожгли дѣвочку.

Взяла ихъ, взглянула и бросила прочь. А потомъ опять потянуло къ нимъ. Начала разсматривать, вся въ краскѣ несознаваемого срама и въ трепетѣ неясныхъ желаній...

Потомъ они оба вмѣстѣ смотрѣли ихъ, и многое она уже понимала, настолько, что начала сторониться отъ слишкомъ горячихъ ласкъ. Упираясь ему въ грудь ладонями, отодвигалась, была насторожѣ. И когда онъ, хорошо разыгрывая роль добродушнаго удивленія, спрашивалъ ее:

— Что ты?..

— Это совсѣмъ какъ въ картинкахъ... запрещенныхъ... Нехорошо, вѣдь. Если запрещаютъ, — значитъ, этого не надо.

И еще дальше держалась.

Теперь онъ уже почти никуда не выходилъ изъ дому одинъ. Все около нея. Водилъ ее въ театръ, въ рестораны, гдѣ оба пили шампанское, и когда у нея начинала кружиться голова, торопливо везъ ее домой. Дома на столѣ были сладкіе ликеры, отъ которыхъ ее охватывала сонная лѣнь, что-то, точно свинцомъ, наливалось ея руки и ноги. Не было силъ уйти, отодвинуть его, и когда «папочка» цѣловалъ ее, она только слабо, точно въ забытіи, смѣялась.

Старая горничная тоже ей совѣтовала.

— Не будьте душой, Сашечка, старичокъ таетъ по васъ. За старичкомъ хорошо. Точно кошкѣ у печки. Вы только не мѣшайте ему... Паутинкой его кругомъ. Что жъ, что ему семьдесятъ, а вамъ восемнадцать. Нашей сестрѣ надо головой жить.

Потомъ, какъ женится онъ на васъ, — по сердцу себѣ кого хотите, того и возьмите.

— Какъ женится?... Папочка! Да, вѣдь, я ему почти-что дочь... Онъ самъ говорилъ...

— Хорошъ отецъ... А самъ то-и-дѣло на кухню и голову подъ кранъ. Знаемъ мы такихъ папочекъ! А только вы одна, какъ перстъ, вамъ уйти некуда, и ни на что вы не способны. Вамъ нужно свою судьбу устроить...

— Что вы, что вы!.. Да онъ первый станетъ бранить меня...

— Онъ-то!..

И горничная расхохоталась ей въ лицо.

— Спитъ и видитъ... Всѣ они на одну колодку... Въ дѣлахъ-то разные, а вотъ съ нашей сестрой... Любовь! — ея другой не бываетъ...

— Какъ любовь?... Мы читали, — тамъ молодые сходятся, влюбляются...

— Молодые-то нынче хуже старыхъ... Манера-то все одна, что у молодыхъ, что у старыхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Какія вы гадости говорите. Если бы папочка васъ услышалъ! Какъ вамъ не стыдно. Лучше умереть...

IX.

Приучилъ къ сладкому пойлу, кружившему голову. Часто ночью, просыпаясь отъ холода, она думала, что сама сбросила съ себя одѣяло, и пугливо прислушивалась къ удаляющимся шагамъ. Утромъ ей казалось все это сномъ. И сама, смѣясь, рассказывала за чаемъ: «Я совсѣмъ глупая: вообра-

зила, что кто-то ходитъ ко мнѣ, — этакіе сны бывають ясные!... Точно взаправду»...

«Папочка» все дѣлался страннѣе и страннѣе. Теперь онъ уже брюзжалъ, былъ ею недоволенъ. Даже, случалось, кричалъ на нее, а она, какъ котенокъ, ходила кругомъ, не зная, что она сдѣлала такого, и приставала: «На что вы сердитесь? Скажите... Я не буду»... Даже разъ заплакала, — и онъ, схвативъ ее, такъ прижалъ къ себѣ, что она застонала, и когда «папочка» цѣловалъ ея мокрые глаза, оправдывалась:

— Я, вѣдь, стараюсь быть хорошей...

— Стараешься, да не совсѣмъ...

— Какъ это?

— Все подальше отъ меня норовишь...

— Папочка!

— Какой я тебѣ папочка! Заладила: папочка, папочка! Глупѣ слова не нашла!

— Вы ужъ меня больше не любите?

— Напротивъ... Никогда такъ не любилъ, какъ теперь... Ты только мнѣ не мѣшай, — и все у насъ будетъ хорошо. Не вѣкъ же тебѣ душой оставаться! Должна понять.

И она въ этотъ разъ, съ болью зажмуривъ вѣки и сжавъ зубы, вся отдалась его жаднымъ рукамъ и не выдержала... Вдругъ истерически завопила, оттолкнула его и бросилась къ себѣ.

— Сашечка! — вошла горничная. — Не дурите, вы, душечка.

— Не могу, не могу...

— Ну, разозлится онъ, выгонитъ васъ... Вѣдь, на васъ ничего своего. Ну, куда вы?

— Въ такія горничныя, какъ вы. Въ судомойки, въ прачки...

— Это съ вашей-то красотой... Къ сладкому куску привыкли... Что вы! Да васъ всякій сей-

часть возьметъ, — только на завтра вамъ опять бѣжать придется. Они всѣ, Сашечка, боровы одинаковые... Только одни подлецы, которые любятъ и не бросаютъ, а другіе есть такая рвань, особенно изъ молодыхъ, какъ ястребокъ: кокъ въ голову, а потомъ крылья-то врозь, — фррр, — ищи его въ поднебесьѣ. Послалъ вамъ Богъ удачу, — зубами за нее держитесь... Все равно, нашей сестрѣ безъ этого не обойтись. Хоть и изгиляются которые, — а куда подашься? Другой-то норовитъ ножомъ въ бокъ. Можетъ, и не изувѣчитъ, а такъ, чтобы ты страхъ передъ нимъ чувствовала, и во всякомъ лакомствѣ ему отказа не было. Чего захотѣлъ, тому и подражай. И никакъ ты себя, милуша, не соблюдешь. Грѣхомъ міръ держится. Не было бы грѣха, — и ничего бы не было. Гдѣ жъ намъ соблюдать себя! Да и не къ чему. Вонъ, папочка-то вашъ, еще ничего не видя, какъ васъ обшилъ да обулъ. А ежели вы къ нему склонность покажете, — только отъ васъ и требуется, чтобы не мѣшали ему, — такъ онъ васъ, какъ идола, всю золотомъ изуставитъ. Потому они, старички, терпѣть не любятъ, чтобы имъ мѣшали. Козерогами-то имъ не по годамъ быть, — вотъ вы и соотвѣтствуйте. Покажите свою благодарность. Имъ-то въ этомъ разѣ съ пылу, съ жару, и не разобрать, гдѣ настоящая любовь, а гдѣ за «спасибо»...

— Да знаете ли вы, что говорите? Вѣдь, это значить себя продать...

— Ну, зачѣмъ же. Сами-то вы при себѣ и остаетесь... Не фунтъ изюму, — купилъ, съѣлъ, и нѣтъ его. Не безпокойтесь, — все при васъ будетъ.

— Подлость одна.

— Гдѣ жъ подлость?... Если вы за его благодаренія... Вы у него по колѣна въ холѣ и въ

ласкъ. Настоящая-то подлость-не чувствовать этого, точно!

— Да, вѣдь, онъ мнѣ какъ отецъ...

— Отецъ... Видѣли мы этихъ папашекъ! Самые козлы и есть. По улицѣ такай папочка идетъ, — на всякую шпенду глаза косить. Набекрень у него, у папочки, глазокъ-то, и губы бантомъ... Пузыри пускаетъ. Точно леденцы сосетъ... Все равно, не уйти вамъ отъ него. Такъ ужъ лучше по согласу.

Х.

И не ушла.

Повезъ онъ ее какъ-то ужинать. Она уже привыкла къ шампанскому. Жарко ей было, а въ бокалахъ — точно ледъ. Голова кружилась. Глупости она болтала, смѣялась чему-то... Въ кабинетъ доносился раздражающій напѣвъ скрипокъ... Звуки, точно невидимыми руками, трогали ее. Чуть ощущаемыми пальцами бѣжали по ея тѣлу... Захотѣли сжимали сердце и вдругъ обдавали зноемъ, въ которомъ распускалась вся ея воля, и какой-то сладкій-сладкій, нѣжный вѣтеръ задувалъ сознание... Въ автомобилѣ она все время лежала на плечѣ у «папочки»... Дома онъ откупорилъ бутылку какого-то ликера. Капнулъ туда чего-то...

— Ты еще этого не пробовала?..

Ее и безъ того всю кружило.

— Вкусно! — даже зажмурилась она.

— Еще...

Точно у нея полъ изъ-подъ ногъ выдернули. И смѣшно все... Электрическіе огни вертятся, углы

ходуномъ ходятъ. Большой столъ — точно палуба въ мертвую зыбь. Схватила за руку старика. Ей показалось, что она тонетъ. И не видитъ его, а только чувствуетъ около и тянется къ нему... И вдругъ что-то подняло ее, баюкаетъ, укачиваетъ. Глаза слипаются... Палуба уплыла куда-то. Огни погасли...

XI.

Утромъ проснулась.

Тусклый свѣтъ въ окнѣ. Точно кто-то снаружи надышалъ въ стекла, и сквозь нихъ ничего не видно.

Въ комнатѣ все мутное, неясное, въ сѣромъ налетѣ, и рядомъ лысая, противная голова, раскрытый глупо ротъ, и во рту два-три гнилыхъ, черныхъ зуба, какъ обугленные пни въ болотѣ. Рядомъ, на столикѣ, — челюсть отвратительная. Сиплое дыханіе. Невольно отодвинулась. Обвѣивало чѣмъ-то удушливымъ, тяжелымъ, — не то перегаръ, не то перегной. На одѣялѣ — блѣдныя руки въ морщинахъ. Грудь въ сѣдыхъ волосахъ...

Вспомнила все...

Поднялась на локтяхъ. Ноги болятъ. Поясницу ломить. По всему тѣлу синяки. Точно ее били вчера. Голову и сейчасъ кружить. Во рту и сухо, и липко въ одно и то же время. Чуть слышно выпросталась изъ-подъ тяжелаго покрывала. Холодомъ охватило ноги. Стала на нихъ, — едва держать. Вотъ-вотъ подогнутся... Отошла къ креслу, на которомъ валялось ея платье. Сѣла. Смотрить... Какой противный, жалкій... На голой лысинѣ жел-

вакъ, точно нарочно вскочилъ и дразнить ее... Уйти... Уйти скорѣй... Прочь отсюда... Отъ этой духоты, затхоли... Отъ этой склизкой челюсти, отъ отваливагося, точно у мертвеца, рта...

Скомкала бѣлье... платье...

Рядомъ въ комнатѣ шорохъ... Тамъ прислуга убираетъ. Все, вѣдь, знаетъ, все слышала. Какъ съ нею встрѣтишься? Какими глазами на нее взглянешь? И свои-то, — видить въ зеркалѣ, — въ темной синевѣ, впалые, потухшіе. Грязь-то, грязь какая! Неужели для этого училась, мечтала, готовилась къ чему-то?... Читала и прочитанное на себя примѣривала.

— Уйти, — да, разумѣется, уйти...

Скорѣе... Скорѣе только.

Куда?

Копейки свой нѣтъ. На улицу? А дальше... только и есть два ей знакомыхъ мѣста... Эта постель во внезапно опостылѣвшемъ уютѣ маленькихъ, заставленныхъ комнатъ... Да тотъ ужасный домъ, откуда она бѣжала... На ту же улицу... Улица уже разъ обманула ее!..

Тихо, тихо подобралась къ окну... Прижалась лбомъ къ стеклу, — отсюда видно... Сыплется бѣлое... Сыплется много. А внизу та же темная слякоть. Вонъ по тротуару — жалкое, ободранное, окоченѣвшее... Рваный ванька и понурившаяся лошадь. Такъ и тянетъ ее распластаться и растаять въ жижѣ... Городовой ведетъ какую-то женщину; шляпа съ глупыми рыжими перьями сползла на затылокъ, волосы выбились мокрыми космами. Шлепаетъ по грязи и, оборачиваясь, грозится кому-то кулакомъ...

Непроглядъ безнадежная, скучная, простуженная, озленная, до самой сердцевины обруганная, обиженная, затасканная.

Некуда...

И на улицѣ мѣста нѣтъ... И улица ни къ чему не доведетъ. И въ ней вездѣ тупики...

Шалая мысль: окно на пятомъ этажѣ... Разбѣжаться, изрѣзаться о стекла и головой внизъ... А если не убьешься?... Если больно?... А потомъ, — такихъ, вѣдь, потрошатъ...

Можно и завтра... Потомъ... Вездѣ кругомъ вода будетъ, — некуда податься...

ХII.

Закочейѣла вся... Пледъ сбился въ ногахъ постели. Сняла его, закуталась...

Поглубже въ кресло. Что-то подступаетъ къ горлу, горячее-горячее... Заперло дыханіе. Обожгло глаза... Она схватила брошенную юбку, прижала къ лицу... Хочетъ совладать съ собою, не крикнуть на весь міръ, такъ чтобы всѣ эти каменные тюрьмы кругомъ дрогнули. А самое изнутри что-то сильнѣе ея самой толкаетъ, точно кулакомъ тычетъ въ сердце, въ ребра. Колышется тамъ, по жиламъ льется и сводитъ ей въ судорогу и ноги, и руки... Сама не знаетъ, какъ сползла на полъ. Въ комокъ сжалась, и комокъ этотъ, какъ береста на огнѣ, корежится... Глухо вырываются изъ заткнутого, конвульсивно зажатаго кулакомъ рта какіе-то звуки... Ползутъ кругомъ, и вдругъ на всю эту комнату отчаянный, точно подъ ножомъ, вопль...

«Папочка» вскочилъ.

Отъ испуга самъ не попалъ въ двери. Споткнулся обо что-то... Вбѣжала горничная. Точно у нея вода загода была на всякій случай приготовлена.

Плеснула ей въ лицо... Грудь облила, чтобы озябла, — съ холодкомъ и разумъ вернется... Одной рукой приподняла голову, другой — стаканъ въ ротъ ей... Зубы о стекло хватаются. Точно прокусить его хотятъ.

— Вотъ, вотъ... вотъ. Вотъ что со... мной... Что жъ мнѣ?..

Сипло, со свистомъ вырываются слова.

— Голубушка, чего вы... Успокойтесь... Вѣдь, теперь у васъ все по-хорошему будетъ.

А сама мигаетъ «папочкѣ» на дверь. Уходи-де... Безъ тебя лучше справимся.

Тотъ топчется босикомъ. Ноги худыя, волосатая... Вены на нихъ узлами. Подагра вывернула ступню.

— Уходите, уходите.

Швыряетъ ему халатъ.

— Такъ-то лучше.

И дверь за нимъ заперла.

— Барышня... Да, вѣдь, вамъ бы радоваться. Потому вы обзаконились совсѣмъ. Теперь вы его, козла, вотъ какъ въ ручки свои маленькія заберете. Вы только меня слушайте... Мы его, жеребца плѣшиваго, такъ окрутимъ. Черезъ недѣлю самъ побѣжитъ вамъ подвѣнечное платье заказывать. Потому ему некуда податься. На всю жизнь вы вотъ какъ себя обезпечите. И подохнетъ онъ, — вамъ пенсіонъ будетъ. Да, вѣдь, у него, у подлеца еще и капиталъ. А при старомъ-то мужѣ вы молодыхъ по вкусу — сколько хотите! Неглежа ручкой этакъ, — сами побѣгутъ. Только выбирай. Еще и опять замужъ выйдете. Это дѣвушкѣ трудно, — нѣтъ ей простору, чтобы размахнуться. А при мужѣ — сколько хочешь, столько и жениховъ. Имъ, псамъ паршивымъ, лестно изъ чужой-то пасти кусокъ выхватить... И слава Тебѣ, Господи, что все такъ слу-

чилось. Потому вы теперь — у себя дома хозяйка. Онъ всю вашу жизнь на свою душу взять. Вы, барышня, только не очень его смаху пугайте. Пусть онъ кротость вашу почувствуетъ. Старички ужаси какъ благодарны въ такомъ разѣ. Ну, а ежели противно вамъ, зажмурьтесь и носъ на сторону... Какъ-будто отъ стыда нашего женскаго. Еще же бы ему, да кобениться. Скажите, пожалуйста. Если бы ему вы изъ вторыхъ рукъ, а то — самый настоящий бутонъ. Пойдите-ка, поищите такихъ животрепящихъ! Не очень-то, чтобы много! Онъ у себя въ кабинетѣ, — должно-быть, за голову хватается. Скандалу боится, — а вы, тихо, благородно.

Она всхлипывала все тише и тише.

Словами уже не брызгала и не захлебывалась отъ рыданій.

— Нѣтъ... Я уйду... уйду...

— Куда. Сами сказывали сирота, — кругомъ вода. Все равно не къ нему, такъ въ чужія собачьи зубы. Потому нешто мы — люди... Мы — добыча.

— Умру... умру...

— Ну вотъ еще что надумали. Это всегда поспѣется... Тутъ подъ нами барышня. Спичками она объѣлась. Такъ потомъ за руки доктора хватаетъ, цѣлуетъ, въ погахъ у него валяется: спасите, спасите, а вы вотъ что. Я за нимъ, за побѣдителемъ-то вашимъ, пойду. А вы тѣмъ временемъ въ постельку. Какъ-будто заснуть хотите. Если онъ вамъ что, — вы спиной повернитесь, въ родѣ какъ и видѣть его, подлеца, не желаете. Вы только меня слушайте, а уже онъ васъ-вотъ какъ обезпечить. Потому, они, папашки эти самые, страсть какъ большого шума боятся! Теперь вамъ съ умомъ надо. Все равно не вернешь. Да и ворочать-то не зачѣмъ, не важное кушанье. Тоже это на любителя, а настоящіе, которые господа благородные, такъ они

даже живьемъ этимъ пренебрегаютъ. Я у одного генерала служила, такъ сынокъ у него въ лошадиныхъ офицерахъ. Тотъ прямо говоритъ, это все равно, что тѣсный сапогъ разношивать... Не прежнія времена, когда законъ требовался, по нынѣшнему-то не очень зубами за сырье хватаютъ...

XIII.

Въ самомъ дѣлѣ, куда пойти?..

Ушла изъ подлой ямы. Думала жизнь опять начинается... Послалъ Богъ по пути доброго человека.

И вдругъ... Какъ это случилось?.. День за днемъ, минуту за минутой онъ медленно, осторожно, — какъ бы не ушиблась и не опомнилась, — велъ ее къ этой пьяной, отвратительной ночи. Захваталъ ее всю грязными лапами, опуталъ отцовскими ласками, приучилъ къ себѣ и взялъ какъ послѣднюю тварь, не справляясь съ ея душой, съ ея чувствомъ... Горничная подсказываетъ ей рабыи мысли. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ лучше назадъ въ смрадный омутъ: тамъ, по крайней мѣрѣ, все ясно, откровенно. Купля и продажа. Никто не требуетъ ничьего сердца, не прикидывается. Видитъ товаръ лицомъ, платитъ, и все на этомъ кончается.

Назадъ, туда?..

А побой? А радушаяся всегда подколотная безобразная зараза? А окрикъ глупой и грубой хозяйки, а наглая, сквозная выставка тѣла? Вѣдь, прежде, чѣмъ оно попадетъ въ звѣриныя объятія, сколько только неопрятныхъ лапъ изомнутъ его, надругаются надъ нимъ. И это оскотинивающее ре-

месло, гдѣ наслажденіе оканчивается отрыжкою усталой, противной сытости. Гдѣ потомъ никому до тебя никакого дѣла. Онъ уйдетъ даже не оглянувшись на тебя въ дверяхъ. И этотъ палачь у дверей съ свиною, тупою мордой и тяжелыми, безпощадными кулаками? Гостямъ за деньги, ему изъ страха, какъ бы не изувѣчилъ. Пощечины, какъ знаки препинанія, въ концѣ каждой фразы, на каждомъ шагу. И единственный просвѣтъ, и не просвѣтъ, а забытье, въ пьяной оргіи грубой сволочи, передъ которой ты все-таки падалъ, и только падалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нѣтъ... Такъ нельзя, нельзя...

Она накинула на себя что-то.

— Куда-нибудь. Только не здѣсь. Не здѣсь...

Но сѣрое въ морщинахъ лицо... Голый черепъ, печистое, хриплое дыханіе и какіе-то черные огрызки въ открытомъ рту вмѣсто зубовъ... Весь пахнетъ гнилью... Точно трупъ изъ могилы, только-что въ треснувшей, дряблой кожѣ, не синѣетъ разлагающееся мясо и въ немъ не завелись черви...

Никуда нѣтъ пути.

Училась, мечтала. Весь міръ въ розовыхъ миражахъ былъ. и она шла имъ навстрѣчу...

Шла, попала въ тупикъ, откуда нѣтъ выхода, только со всѣхъ сторонъ ее зашлепываютъ пригоршнями вонючей слякоти.

XIV.

Прислушалась. Горничная въ дальнихъ комнатахъ. Доносится ея голосъ. Должно-быть, говорить съ нимъ. Успокаиваетъ его дрожащаго, трусливаго. Его, у котораго нѣтъ смѣлости даже на зло-

дѣйство... На слабыхъ, подгибающихся, волосатыхъ, сѣдыхъ ногахъ, съ дряблымъ отвислымъ животомъ, несмѣющаго поднять безцвѣтныхъ, погасшихъ глазъ... Пальцы крючками, обезображенные подагрой... Да почему же она только сейчасъ видитъ все это, а вчера, третьяго дня, недѣлю, мѣсяцъ назадъ? Слѣпа была, или заморозилъ онъ ее? Чѣмъ?

Нѣтъ, нѣтъ, хоть на мгновеніе вонъ отсюда.

Тихо подошла къ дверямъ... Открыла.

На лѣстницѣ тихо, холодно. Ступени колѣнами внизъ... Между ними пролетѣть. Точно въ колодцѣ. Облокотилась на перила. Чугунный пруть студитъ локти. Смотрить, и эта мутная бездна тянетъ къ себѣ. Нѣтъ силы оторваться. Тамъ, внизу, — четырехугольникъ сѣрый... Съ каменнаго пола швейцаръ снялъ коверъ. Вѣдь, всего секунда, и только секунда... Тупой ударъ, и ничего больше; все погаснетъ, все замолчитъ, это сердце уже не будетъ съ такою болью биться въ свою клѣтку. Не о чемъ и нечѣмъ думать...

Сама не замѣтила, какъ перекинула ногу.

Холодно... Знобить... Внизу кто-то... Смотрить сюда. Дико кричить ей.

— Господи, да я голая... Оттуда видно.

И откинулась назадъ. По лѣстницѣ бѣгутъ вверхъ.

Испугалась. Назадъ въ двери. Замкнулась. Звонокъ...

Скорѣй въ постель, и закрылась съ головой одѣяломъ. А дрожь такъ и пронимаетъ всю. Точно ледяныя стрѣлы нигутъ ее...

— Что это вы, барышня?.. Господь съ вами. На какое дѣло...

Закрываютъ ее чѣмъ-то теплымъ. Горничная

садится около. Дѣвушка чувствуетъ ея жесткую ладонь у себя на лбу.

— Некуда, некуда... Дорога узломъ завязалась... Хотѣла однимъ разомъ... Помѣшали... Только... Пожалуйста... Умоляю... Пока, пока... потомъ можно... а пока не пускайте сюда... никого, никого... Заприте меня одну, одну... Чтобы не слышать, но видѣть...

ВЪ ЧУЖОЙ КЛѢТКѢ.

I.

Невольно зажмурился. Приѣхалъ ночью, усталый до-смерти, дорвался до постели и на дно канулъ. Дверь (она же и окно) на балконъ была закутана тяжелой портьерой; проснувшись, долго лежалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Неужели и здѣсь такой же холодъ, какъ на сѣверѣ, за Гвадараммой? Тамъ я зябъ въ Вальядолидѣ, не зналъ, какому Богу молиться въ Саламанкѣ, чтобы онъ послалъ мнѣ хоть одинъ живительный лучъ настоящаго испанскаго солнца. Весь путь оттуда просидѣлъ, забившись въ уголъ купэ. Мои спутники казались мертвыми. Завернувшихъ въ свои capas de monte, подняли ихъ воротники выше головы — и какъ будто никого живого со мною. Только изрѣдка въ разрѣзѣ воротника вспыхивала сигара. Какіе-то курящіе кули, а не люди. Ночь была яркая, лунная. Точно во снѣ, помню строгую, монументальную Авилу. Облитая серебрянымъ свѣтомъ, стройно и царственно подъ самое небо поднимаются ея стѣны и башни. За ними еще выше мраморной сказкой тонули въ прозрачномъ сумракѣ колокольни громаднхъ соборовъ, изъ-подъ тѣни которыхъ до сихъ поръ не можетъ

выйти окуренная ладаномъ и забаяканная іезуитами Кастилія. Царственный профиль города св. Терезы еще не заслонился потемками удивительной ночи, какъ нашъ поѣздъ, замедляя бѣгъ, началъ взбираться на Гвадарамму. Матовыми бѣлыми куполами мечтательно и пѣжно замерещились засыпанныя снѣгомъ вершины. Даже въ этотъ поздній часъ синее небо обнимало поэтическія горы. Весною здѣсь не подымется столько цвѣтовъ, сколько выросло на этихъ склонахъ, утесахъ и въ ущельяхъ пѣсенъ и легендъ, то кровавыхъ и мрачныхъ, то причудливыхъ, ласковыхъ и кроткихъ. Подъ луною, точно кобальтовые, ложились тѣни на неподвижные снѣга, и весь этотъ казавшійся таинственнымъ хребетъ грезилъ въ мистическомъ снѣ Карлами и Филиппами, маврами и рыцарями, готами и римлянами... Часа черезъ два или три вдали правильными геометрическими линіями выдвинулась бѣлая громада королевскаго дворца, провалился въ бездну Мансенаресъ, а надъ нимъ повисла башня св. Ѳеодора, и дерзкой аркой перекинулся головокружительный мостъ. Напоследокъ, весь окуриваясь удушливымъ дымомъ, поѣздъ кое-какъ доползъ до станціи. Дрожа отъ холода, я выскочилъ на перронъ, бросилъ вещи посинѣвшему тозо и черезъ полчаса спалъ, какъ скандинавскій богъ, подъ пудовымъ одѣяломъ въ отелѣ на Puerta del Sol.

Проснулся, позвонилъ. Кто-то въ потемкахъ подошелъ къ двери на балконъ и раскуталъ портьеры. Такъ и ослѣпило! Я невольно зажмурился! Всю комнату залилъ горячій животворный, радостный свѣтъ, котораго я давно жаждалъ. Тотъ самый, незнакомый намъ сѣверянамъ свѣтъ юга, разомъ примиряющій съ невзгодами, скукою жизни и ея разочарованіями, воскрешающій несбывшіяся надежды, омертвѣвшія грезы. Если есть настоящее

счастье, такъ оно тамъ, куда солнце струить всего щедрѣе свою эссенцію, каждый атомъ которой загорается яркой искрой во мракѣ измученной и давно потухшей души. Я наскоро одѣлся, распахнулъ двери, и въ мою комнату хлынули волны теплаго воздуха, веселый шумъ южной толпы съ ея смѣхомъ и пѣсней, крикливымъ говоромъ и разсѣяннымъ звономъ струнъ, мягкимъ шорохомъ колесъ по асфальту и обрывковъ издали донесшагося военнаго марша... Съ балкона мнѣ показалось, что я повисъ на высотѣ. Далеко внизу дно бездны, на которомъ кишмя кишить чужая жизнь. Кругомъ безоблачная лазурь, и рядомъ желѣзные переплеты такихъ же балконовъ. Откуда-то пахнетъ цвѣтами. Не изъ Севильи ли донесъ сюда южный вѣтеръ первый привѣтъ андалузской весны?... Всматриваюсь — нѣтъ! Рядомъ въ окнѣ пучки бѣлыхъ лилій, свѣжихъ, обрызганныхъ, сверкающихъ алмазною пылью... пышные, безстыдныя, словно раскрытыя для поцѣлуя уста, красныя розы, и изъ нихъ, будто напоминая о ранней могилѣ, печальный блѣдный арумъ... Я вслушался: гитара пѣла оттуда... Къ ней присоединилось красивое грудное контральто. Знакомая пѣсня. Съ первой же строфы ея передо мною воскресло затерявшееся въ пальмовыхъ лѣсахъ и хотя по наружности оставшееся вѣрнымъ арабской старинѣ бѣлое Эльче.

Расцвѣла я одинокой
Розой, путника маня...
Какъ-то мимо шель жестокий
И, смѣясь, сорвалъ меня...

Лепестковъ моихъ коснулся
Онъ огнемъ горячихъ устъ...
И швырнулъ въ колючій кустъ
И ушелъ, и не вернулся!..

У репейника въ шипахъ,
Обливался алой кровью,
Я одна полна любовью
И мечтой о тѣхъ устахъ.

О, вернись ко мнѣ съ закатомъ,
Есть цвѣты — и я изъ нихъ,
Что исходятъ ароматомъ
Въ свой послѣдній, смертный мигъ...

Печальная пѣсня — и вдругъ молодой и радостный смѣхъ... Такой, къ которому тянетъ, точно озябшаго къ чужому очагу. Я хотѣлъ уже наклониться къ этому окну — разглядѣть, кто тамъ, какъ до меня — вотъ ужъ именно не ждано, не гадано — донеслось и гдѣ же, въ Мадридѣ, на Пуэрта дель Соль, русское: «Однако ты и насобачилась!..»

— А что?

— Почище иной испанки... Пожалуй, нашей Розитѣ такъ не спѣть!

— Не даромъ я въ Гренадѣ два сезона провела!

— У насъ, на Москвѣ, говорили, что ты вышла замужъ!

— Ну?... Воображаю, какъ теперь тамъ холодно... Все еще задыхается подъ снѣгомъ. По небу ползутъ тучи... Дни короткіе. «Ночи безсонныя»... Да, а ты знаешь — у насъ сосѣди. Я въ три часа проснулась — тамъ возились...

— Лишь бы только не благополучная кастильская «мухеръ»*) съ груднымъ ребенкомъ... Помнишь, третьяго дня?

И пѣвшая выглянула въ окно въ мою сторону...

Большіе синіе, даже не синіе, а васильковые гла-

---

*) Женщина.

за и пышная масса золотистыхъ волосъ. Смотрить на меня въ полномъ убѣжденіи, что я не понимаю.

— Нѣтъ, это благородный гишпанскій дворянинъ.

— Дай-ка взглянуть...

Рядомъ другая головка, русоволосая, сѣроглазая...

— Ишь, какъ онъ на тебя таращится...

Я, разумѣется, и ухомъ не повелъ. Что будетъ дальше?

— Чего глаза пучишь? — И въ распоряженіи у васильковыхъ глазъ оказались такіе ослѣпительные зубы! Не дай Богъ попасть на нихъ.

— Санька! Вѣдь, онъ пойметъ.

— Какъ же! Я думаю, отродясь, русскихъ не слышалъ.

— Сообразить, что мы о немъ...

— Ну, что жъ... Охорашиваться начнетъ... Впечатлѣніе де произвелъ... Усы закрутить...

— И не думаетъ...

— Помнишь, въ Италіи. Тамъ бы сейчасъ сладкіе глаза и картинную позу. Давай по-русски ему что-нибудь скажемъ.

— Санька...

— Я тебѣ говорю — онъ вообразить, что я съ тобой... Благородный гidalго, если вы будете такъ на меня смотрѣть, я вамъ покажу языкъ! Хотите?

— Пожалуйста!

— Ай!

И обѣ головки мгновенно исчезли.

Если бы подъ ихъ окномъ взорвать гранату, такого эффекта бы не было.

Тишина мертвая... И вдругъ хохоть...

— Я тебѣ говорила... Я тебѣ говорила...

— Что жъ такое... Вѣдь ничего обиднаго.

— Скандаль...

И вдругъ сквозь смѣхъ сконфуженно:

— Ради Бога извините... Мы думали...

— Что я не русскій?... Я не меньше васъ удивленъ. И... и страшно радъ. Вѣдь, тутъ русскихъ дамъ встрѣтить — все равно, что двѣсти тысячъ выиграть.

— Почему такъ дешево?

Васильковые глаза показались опять.

— Ну, два милліона!

— Это лучше! Вы въ первый разъ въ Испаніи?

— Нѣтъ... Въ пятнадцатый...

— Ого!..

— Почти каждый годъ приѣзжаю сюда мѣсяца на два, на три. А вы что тутъ дѣлаете? Я слышалъ два «сезона» въ Гренадѣ...

— Я?... угадайте!..

— Поете?

— Однако!.. Какъ вы это быстро.

— Не мудрено. Я слышалъ васъ сейчасъ...

— Да, пою... Теперь кончаю въ Teatro Real...

И приглашена на Semana Santa въ Севилью, въ Санъ-Фернандо...

— Знай нашихъ! — подсказала другая изъ комнаты.

— Ваша подруга тоже поетъ?

— Моя сестра? Нѣтъ. Она приѣхала ко мнѣ изъ Москвы. А вы кто? Начинайте представляться по всей формѣ.

Я назвался.

Васильковые глаза раскрылись еще шире.

— Вотъ странно.

— Что?

— Вѣдь я приѣхала сюда, потому что у васъ много объ Испаніи читала. Давно. Еще дѣвчонкой была. Изъ гимназіи хотѣла уѣхать сюда... Оты-

скать васъ и вмѣстѣ... Большую вы мнѣ непріятность тогда сдѣлали.

— Какую??

— Ну, ужъ...

— Я вамъ расскажу... — другая показалась въ окнѣ.

— Оля, молчи!

— Нѣтъ, почему же?! Долженъ онъ казниться. Пусть хоть теперь прощенія просить...

— Чего ужъ хуже нельзя...

— Что-нибудь ужасное?..

— Оля!

Сестра ее хотѣла оттащить отъ окна.

— Вы знаете. У насъ мама страсть суровая была. Держала насъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Даже до шестнадцати лѣтъ!.. Ну, вотъ она, какъ ей Санька сообщила свой проектъ, взяла ее за косу, да какъ кошку носомъ въ ваши книжки... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ. Не читай глупостей!

— Благодарю!

— Не за что!

— Такъ что мы уже можемъ считать себя знакомыми.

— Ясное дѣло. Если она потомъ цѣлый день ревѣла изъ за васъ. Теперь просите прощенія...

— Для этого я долженъ прійти къ вамъ.

— А съ балкона въ окно?

— Неудобно...

— Почему?

— Въ знакъ помилованія протягиваютъ руку, и преступникъ ее цѣлуетъ.

— Ишь вы какой...

— Такъ, значитъ, можно?

— Что ужъ съ вами дѣлать... Приходите.

— Сейчасъ?

— Да...

Двери были рядомъ. Сестры Торосовы занимали три комнаты. Двѣ спальныя и гостиную. Гостиная была по сосѣдству со мною. Я постучался.

— Adelante!

Вхожу и замѣчаю розовый шелковый хвостъ, мелькнувшій въ дверяхъ слѣдующей комнаты.

— Мы сейчасъ — послышалось оттуда.

— Санька въ пеньюарѣ. Она по утрамъ лѣнится.

— А по вечерамъ поетъ?

— Да.

— Великолѣпная жизнь. А сколько за это снимаете (по-вашему, по-московски) съ антрепренера?..

— Антрепренера? Нѣтъ, вы здѣсь поднимайте выше! Это не итальянскій импрессаріо. El ministro... И зовутъ его senor conde Miguelena. А снимаетъ съ него Санька по двѣ тысячѣ посетъ въ недѣлю!

— Ай да мы! Какъ Татанкѣ повезло у гишпанцевъ.

— По вашему много?

— Много, нѣтъ! А по-божецки, дѣйствительно.

— То-то что Санька ошиблась. Ничего не остается...

— Отъ этакой-то прорвы?

— А вотъ сами увидите... Можетъ-быть, сегодня же...

За дверями шуршало-шуршало, и, наконецъ, когда я уже потерялъ терпѣніе, онѣ распахнулись...

— Вотъ и я! Здравствуйте... Какъ это глупо вышло. Кто же васъ за русскаго приметъ? Вотъ я такъ дѣйствительно. И носъ у меня-круглый, и сама, слава тебѣ Господи... Чаю хотите?...

II.

Мнѣ вдругъ показалось, что я съ нею знакомъ, Богъ знаетъ, сколько уже! Видѣлъ ее, когда она съ заплетенными косами въ гимназію бѣгала, не замѣчалъ, какъ платье у нея дѣлалось все длиннѣе, а сама она молоденькой березкой тянулася вверхъ, до той поры, когда вмѣсто Шуры ее вдругъ стали называть Александрой Порфирьевной и вмѣсто студентовъ и классиковъ съ кадетами вокругъ нея поднялся цѣлый конвой офицеровъ... Она была вся налицо. Сразу знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Ничего отъ васъ не прячетъ и притворяться не умѣетъ. Такихъ русскихъ дѣвушекъ много, но въ картонномъ и парусинномъ мірѣ кулись что-то я не встрѣчалъ ихъ вовсе. Теперь, можетъ быть, и завелись, а прежде, когда надо было сквозь вѣковыя заросли локтями продираться, рѣдкая могла уцѣлѣть.

— Значить, въ общемъ вы здѣсь довольны?

— Наполовину.

— Публика васъ одобряетъ?

— Здѣсь она вся въ рукахъ печати. Есть нѣсколько знатоковъ. Въ первомъ актѣ, если опера новая, зала молчитъ, не знаетъ гдѣ аплодировать! Ну, а со второго начинаются «эффекты» и «впечатлѣнія». Въ антрактѣ освѣдомились, у кого слѣдуетъ, и выражаютъ свои восторги или шикаютъ.

— Развѣ и это случается?

— Еще какъ. Слышали, какъ здѣсь Мазини досталось... Онъ клаку раздражилъ... Ну, и съ «знатоками» сойтись не хотѣлъ. Думалъ, что про него здѣшніе законы не писаны...

— И?..

— И на другой день послѣ этого тѣмъ и другимъ заплатилъ вдвое. Теперь онъ у насъ люби-

мецъ. Можетъ, когда охрипнетъ, ха-дѣзы и ша-бе-моли брать; все ему съ рукъ сойдетъ...

— И для васъ «клака» обязательна?

— Здѣсь это «учрежденіе». При заключеніи контракта агенты упреждаютъ, что «jefe de los amigos» (глава друзей) будетъ съ вами уславливаться отдѣльно... Да вотъ сегодня вы, можетъ-быть, его увидите. Вчера мы получили жалованье, и «хефе», навѣрное, явится. И то запоздалъ. Давно бы ему быть здѣсь слѣдовало.

Дѣйствительно, не прошло получасу, какъ лакей принесъ карточку.

— Сеньоръ донъ Игнасіо.

— Просите.

Въ гостиную, не снимая шляпы, вошелъ необыкновенно самоувѣренный малый. Онъ былъ завернуть въ капу, пелерина которой, расшитая дорогими шелками, очень картинно закидывалась за плечо.

— «Нашъ другъ» caballero Хиль! — отрекомендовала его Александра Порфирьевна.

Тотъ гордо поклонился мигъ, но руки не подалъ.

— Сеньоръ (лукавый взглядъ на меня) тоже писатель.

Игнасіо Хиль сдѣлалъ изъ губъ скобки, что означало улыбку.

— Значитъ, мы — товарищи.

— Да, но я далеко не такъ знаменитъ въ своей далекой странѣ, какъ донъ Игнасіо.

Глава клакеровъ встопорщился, какъ какаду, и перья поднялъ въ знакъ своего великолѣпія.

— Каждому — свое... Я литературой занимаюсь, къ сожалѣнію, мало. А то бы... У меня слишкомъ много времени отнимаетъ театръ и мои друзья-артисты. Вѣдь вы знаете — эти занятія требуютъ всего человѣка!

— Синьоръ Хиль съ своей «esquadra» присутствуетъ и на репетиціяхъ.

— Нужно много такта, подготовки... Когда аплодировать, когда и кому восклицать. Воскицанія отъ неудержимаго восторга! Они, вѣдь, какъ искры въ солому падаютъ въ публику. На нихъ требуются особенные знатоки, потому такіе «эффекты» и ходятъ по особенному тарифу! Въ какихъ мѣстахъ мои «дамы» должны застонать или заплакать. Помните третьяго дня, когда Зембрихъ умирала въ «Травіатѣ». Эта Мерседесъ Алоньо не во-время въ истерику упала — всю сцену испортила. Я ей отказалъ. У нея никакого таланта... Клака должна идти въ тонъ всей оперы. Maestro ведетъ оркестръ, а я — впечатлѣнія, и еще неизвѣстно, кому нужно больше умѣнія, выдержки и вдохновенія — ему или мнѣ. Вотъ вы, синьорита, увидите въ «Thais». Въ театрѣ будутъ два оркестра — музыкальный и мой. Для моего тоже надобно ухо и при этомъ много психологін. Угадать настроеніе залы вы думаете легко! Напримѣръ, когда публика въ перѣшности, сама не знаетъ, правится ей или нѣтъ, мы начинаемъ *pianissimo bravi-bravi-bravi* и потомъ крендендо до *forte* и *fortissimo*, и тогда всѣ присоединяются къ намъ... Понимаете? Случается, публика вяло настроена — ей надо придать огня, воодушевленія, взорвать ее — и мы сейчасъ же во-всю, точно динамитный зарядъ. Тутъ ужъ нечего жалѣть горла и ладоней. «Друзья» должны вскакивать, краснѣть отъ возбужденія, показать, что они не въ силахъ сдержатъ восхищенія и главное — тонъ восклицаній, чтобы онъ не былъ противенъ, но рѣзалъ бы уха, казался естественнымъ, ему слѣдуетъ проходить всю хроматическую гамму. Публика — дура. Ее надо на хорошихъ поводахъ держать. А потомъ хлыстомъ ее — и скачи во-всю! Мы для нея —

путеводный огонь. Она только и видитъ, что освѣщено нами! Теперь все вѣдь случается... У сопрано или у тенора квакнуло въ горлѣ. Сейчасъ знакъ и одна изъ моихъ дамъ падаетъ въ обморокъ. Вниманіе зала отвлечено, и неудача дебютанта незамѣчена. Ему есть возможность поправиться... Если онъ въ силахъ, не простуженъ, мы кричимъ «*da capo, da capo!*» — сначала! Мы де съ этимъ обморокомъ не слышали. Артистъ повторяетъ арію — не квакаетъ на сей разъ и такимъ образомъ проходитъ. У насъ есть истинные герои. Напримѣръ, Луисъ Альфонсо онъ вскакиваетъ въ экстазъ и оретъ, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого артиста! Жестикулируетъ. Мѣшаетъ театру. Его выгоняютъ въ шею... Могу васъ увѣрить, при этомъ иногда бьютъ очень больно. Мы тоже не даромъ зарабатываемъ наши деньги! Въ послѣдній разъ къ намъ назначили новичковъ въ «*guardia*», ну, тѣ приняли все это за чистую монету, — и дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы опять впустить Луиса, но уже наверхъ, они его, дураки, арестовали. Я на другой день ѣдиль объясняться, и его едва-едва выпустили. Префектъ даже не повѣрилъ. «Достаньте мнѣ, говоритъ, изъ дирекціи записку, что синьоръ Луисъ дѣйствительно *empleado* (чиновникъ) и исполнялъ по должности свою обязанность, тогда его освобожу»... Для этого, донъ Basilo, — обернулся ко мнѣ, — необходима чисто вокальная подготовка. Помните, сеньорита, вашу арію въ «Таисѣ». Публика въ блаженномъ умиленіи, — развѣ можно выражать свой восторгъ ораньемъ? Мы вѣдь не *burros* (ослы). Тутъ нужно, какъ ручеекъ, журчать! «*Bueno-bueno-bueno!*...» Подъ сурдинку... И чтобы слезы на глазахъ. Другой изъ-за этого до крови ихъ. Въ престонародномъ театрѣ потеръ бы вѣки лукомъ и великолѣпно, а тутъ аристократическая

публика. Отъ лука въ ложахъ, пожалуй, въ обморокъ попадаютъ. Цѣлое искусство! А послѣ? Овация у подѣзда, бѣшеный восторгъ у кареты, слушатели, доведенные до неистовства, догоняютъ ее на Calle Alcalá или Санъ-Херонимо, останавливаютъ лошадей, аплодируютъ такъ, что во всѣхъ домахъ около просыпаются, полуодѣтые люди выскакиваютъ на балконы и, чтобы положить этому конецъ, начинаютъ въ насъ швырять, чѣмъ попало, часто даже мокрымъ. А помните, во время послѣдней войны съ Америкой мой гениальный выходъ вашей соотечественницы, сеньоры Надины? Со скиавами.

— Съ кѣмъ?

— Скиавы... Рабы. Цѣлый сезонъ это продолжалось, и публика ее носила на рукахъ. Любимцей сдѣлалась. Мы сначала распустили слухъ, что въ Сѣверной Америкѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ рабство... Ну, послѣ каждого спектакля ставила на сцену двухъ негровъ въ цѣпяхъ. Я ихъ нарочно изъ Парижа выписалъ. Тамъ они у Пайара въ ресторанѣ служили! Синьора Надина съ нарочно для этого написаннымъ гимномъ свободы выходила, потрясая испанскимъ знаменемъ, а потомъ, кончивъ арію, снимала со скиавовъ цѣпи и объявляла несчастныхъ рабовъ гражданами прекрасной Кастиліи... Рабы падали на колѣни. Надина простирала надъ ними руки. Ломала цѣпи (каждый разъ ихъ спаивали для этого) и съ небесною улыбкою швыряла ихъ прочь... Это освобожденіе скиавовъ дало намъ полтора ста полныхъ сборовъ! Моя идея! Ну, ужъ моя «esquadra» тутъ не жалѣла глотокъ. Цѣлую зиму мы хрипѣли, а донъ Себастьяно даже кровью сталъ харкать. Потомъ мы его перевели на «задумчивость».

— Это еще что?

— А, видите, онъ на виду у публики сидитъ въ ложѣ и въ трогательныхъ мѣстахъ принимаетъ такую вотъ позу, при чемъ у него изъ глазъ льются безмолвныя слезы. Нельзя же было человѣка оставить безъ хлѣба!

— Однако, это цѣлое искусство!

— А вы какъ думали! Даже въ Парижѣ нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ все это первобытно. Я не даромъ имѣю ученую степень...

— Какъ?

— Еще бы. Я вмѣстѣ съ Мазантини окончилъ первымъ Мадридскій университетъ. Онъ и я — магистры, и мы оба сдѣлали отличныя карьеры. Я, какъ видите, jefe de los amigos въ королевскомъ театрѣ, а Мазантини — первый тореро Испаніи... La primera espada. Мы можемъ гордиться другъ другомъ, а Мадридскій университетъ — нами. Сеньорита, я къ вамъ! — ужъ въ дѣловомъ тонѣ обратился онъ къ пѣвицѣ.

— Миѣ уйти? Я вамъ мѣшаю?

— О нѣтъ, — великодушно остановилъ меня донъ Игнасіо. — Мы — товарищи. Я только пришелъ получить свои проценты.

Онъ вынулъ печатную квитанцію и, вписавъ туда нѣсколько цифръ, прочелъ:

«Сеньорита *** получила за двѣнадцать выходовъ 24,000 песетъ, считая por los amigos — 20 %, миѣ причитается 4,800 песетъ, за особыя услуги художественнаго свойства, del arte — еще 500 песетъ, итого 5,300 песетъ».

Александра Порфирьевна подала ему пачку стопесетныхъ. Онъ тщательно сосчиталъ ихъ. Двѣ или три посмотрѣлъ на свѣтъ, одну даже лизнулъ, потомъ расписался въ квитанціи, выставилъ на ней номеръ, число и мѣсяцъ и вручилъ пѣвицѣ.

— Теперь все въ порядкѣ.

— Это что же, за услуги художественнаго свойства?

— Нашему извѣстному портретисту Пильяносу уплачено мною пятьсотъ. Онъ по моей идеѣ выразилъ желаніе нарисовать сеньориту во время исполненія ея роли Тансы. Она пѣла, а онъ сидѣлъ на сценѣ и все время зарисовывалъ ея... Передъ веѣми. Это поправилось, и публика цѣлый актъ аплодировала. Больше на него и на полотно смотрѣла!

— Значить, ничего не слушала?

— И не должна была слушать.

— Почему?

— Очень просто. Сеньорита была простужена. Нѣсколько хрипѣла. А это самый трудный актъ. Остальные пустяки.

— Однако, дошъ Игнасіо, вы геній...

— О, вы слишкомъ любезны!

— Вотъ бы вамъ въ Петербургъ!

— Я, когда постарѣю, открою школу «друзей искусства». Знаете, эдакую, художественную академию. Тогда ко мнѣ могутъ пріѣзжать учиться даже изъ Китая и Японіи. Ну, однако, мнѣ пора.

Онъ поднялся, поцѣловалъ руку Александрѣ Порфирьевнѣ, а уже въ дверяхъ обернулся ко мнѣ.

— Вы, разумѣется, будете писать объ Испаніи.

— Еще бы!

— Значить, вамъ нуженъ мой портретъ съ автографомъ. Я вамъ пришлю его!.. *Beso sus manos!*.. (Цѣлую руки!).

— Однако, экземпляръ! — вырвалось у меня, когда онъ ушелъ... — такихъ я не видывалъ.

III.

Вечеромъ Мадридъ весь полонъ жизни. Это не парижская сутолока, молотками бьющая по нервамъ, отъ которой кружится голова и отуманиваются мысли. Ни треска, ни ошеломляющаго движенія, но всѣ улицы полны веселыми толпами, прощѣживающими одна другую безъ суматохи, безъ толчковъ, ссоры и ругани. Кое-гдѣ звонъ гитаръ, часто съ балкона, утонувшаго въ лунномъ свѣтѣ, страстная южная пѣсня, похожая на одурманивающій цвѣтокъ, выросшій изъ расщелины согрѣтаго солнцемъ камня. Вокругъ васъ и смѣхъ и шутки. Ярko лучатся большіе черные глаза, наивно улыбаются алая губы, — такія алая, что рядомъ блѣднѣетъ вѣнчикъ гранаты. Стройныя фигуры закутанныхъ въ черное женщинъ мелькаютъ по сторонамъ, за большими окнами кафе вы видите такія же, подъ электрическими шарами у входовъ въ театры онѣ же сотнями — ждуть, когда раскроются двери. Въ ихъ сплошные ряды вторгаются продавцы миндаля, сушеныхъ раковыхъ клешней и шеекъ, ассугарильо (ноздреватаго сахара), всевозможныхъ орѣховъ, сластей. Поодаль молодежь — мелкіе чиновники, студенты, приказчики. Взгляды скрещиваются, загораются, изрѣдка слышится сдержанное восклицаніе, вѣера работаютъ во-всю, выражая то, чего нельзя при всѣхъ сказать словами, но ни одного неприличнаго движенія, ни одной фразы, которая могла бы оскорбить чей-нибудь слухъ. Пройдите по залитой свѣтомъ calle Alcala, навѣрное, на этомъ Невскомъ проспектѣ Мадрида васъ никто не толкнетъ, только нищіе, но безъ нихъ вѣдь Испанія не была бы Испаніей, будутъ преслѣдовать васъ своей «una limosnita por amor de Dios! Caballero, por Virgen purissima...!» Громадныя афиши собираютъ толпу — на каждой

объявлено по пяти сарсуэлъ на вечеръ. Вы можете взять билетъ на какую вамъ угодно и черезъ нѣсколько минутъ послѣ нея слушать маленькую комедію въ другомъ театрѣ. Есть любители, посѣщающіе такимъ образомъ въ вечеръ четыре-пять театровъ. Я пошелъ въ Королевскій по Calle Arenal. Нарядныя женщины, на мраморныя плечи которыхъ были наброшены мантильи, господа, изъ-подъ распахнувшихся плащей показывавшіе великолѣпно скроенные фраки, торопились туда же. Въ оперу балльные костюмы обязательны. Въ партерѣ часто завсегдатаи сидятъ въ пальто, но подъ нимъ непременно фракъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, если вы появлялись въ иномъ видѣ, къ вамъ подходилъ перемоніймейстеръ и вѣжливо предлагалъ отправиться домой переодѣться и тогда уже добро пожаловать въ «высокое собраніе». По пути въ четверть часа на одной улицѣ, вы увидите столько очаровательныхъ ножекъ, сколько ихъ не усмотрите въ четверть вѣка во всей Германіи... Узкая улица то уходитъ въ синій мракъ, то такъ и выступаетъ гигантскими серебряными стѣнами подъ волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца. Грубая и некрасивая масса Королевскаго театра вторгается въ нее неожиданнымъ и оскорбительнымъ диссонансомъ, но за ней великолѣпный plaza de Oriente... Подъ луною въ прозрачную и мечтательную лазурь испанской ночи высоко на смѣломъ конѣ взлетаетъ Филиппъ IV, окруженный мраморами статуй и темными рамками пахучихъ деревьевъ. За нимъ стройная масса дворца, «ближайшаго къ небу», и сквозныя арки, прислонившейся къ palacio галлерей, въ пролеты которыхъ прекрасная и чистая, сверкающая звѣздами и полная своихъ вѣчныхъ тайнъ голубѣетъ безконечность... У самага памятника Филиппа нищіе. Ритуэрнели ихъ гитаръ наполняютъ тишину пло-

щади сладкою печалью. Слѣпцы тихо поютъ, и, заслушавшись ихъ, наклонилась съ бѣлаго цоколя мраморная Бланка Кастильская. Передъ пѣвцами, на заднихъ лапахъ, торжественный и неподвижный, сидитъ пудель и держитъ тарелку въ зубахъ. Онъ тоже при нищихъ чиновникъ, а у чиновниковъ столько достоинства и въ фитурѣ, и въ выраженіи лица, покрыто ли оно сплошь шерстью, какъ у нашихъ четвероногихъ друзей, или украшено баками и усиками по особымъ порученіямъ...

Пора было въ театръ.

Сегодня давали «Тансу» Масснэ. Заглавную партію пѣла наша соотечественница. Меня очень занимало: какъ эта панвная и смѣшная москвичка, выросшая на таганскихъ хлѣбахъ, справится съ ролью Александрійской комедіантки и куртизанки? И по типу она не подходила къ ней. Знаменитый Жанъ Веберъ изобразилъ Тансу тонкой, сожженной египетскимъ солнцемъ, съ удлинненными глазами, синева которыхъ чуть не доходила до уха, съ бровями въ видѣ полулуковъ и узкимъ прямымъ носомъ, нервныя ноздри котораго, кажется, такъ и трепещутъ съ полотна. Ничего болѣе несообразнаго съ Александрю Порфирьевной нельзя было придумать. Что у нея могло быть общаго съ развратною героиней Анатоля Франса, музыкально пересказанной французскимъ композиторомъ? Впрочемъ, пустыннымъ Оиваиды та же афиша объявляла итальянца Королли... Атанаэль — подвижникъ и схимникъ, въ образѣ благополучнаго и массивнаго баритона въ одиночку при мнѣ усживавшаго цѣлую фіаску кіанти и громадное блюдо ризотто. Я его не разъ встрѣчалъ у Савини въ Миланской галлерей... Пожалуй, съ такимъ Атанаэлемъ могла бы появиться рядомъ и наша замоскворѣцкая Таиса.

Партеръ уже былъ полонъ. Ложи, пока занавѣсъ не поднялся, обратились въ гостиныя. Декольтированные дамы, какъ хозяйки, принимали визиты. По мѣстному обычаю, визитъ можно было отдать въ театрѣ. Ложа — тотъ же салонъ. Не возобновившіе абонементъ считаются здѣсь выбывшими изъ рядовъ мѣстнаго «высшаго общества». Королева обязательна какъ для оперы, такъ и для боя быковъ. Король еще можетъ не пріѣхать въ свой театръ, но ея величество непременно ранѣе поднятія занавѣса должна занять мѣсто и начать пріемъ лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору. Въ ложи точно слетѣли тысячи пестрыхъ бабочекъ и, усѣвшись куда попало, быстро-быстро шуршатъ легкими крылышками. Это вѣера въ рукахъ у барышень, которыя такимъ образомъ ведутъ безконечные переговоры съ своими повю въ партерѣ. Только когда со сцены поются любимыя аріи, шелестъ вѣеровъ замираетъ на минуту, двѣ... То же самое въ креслахъ — у молодыхъ людей вѣера болѣе скромныхъ цвѣтовъ, и они усердно «спрашиваютъ» и «отвѣчаютъ» своимъ невѣстамъ, знакомымъ и любовницамъ въ ложахъ. Чтобы понять этотъ языкъ, надо родиться и вырасти въ Испаніи. Иностранецъ, какъ бы долго онъ здѣсь ни прожилъ, останется безграмотнымъ и даже не сообразить, что вокругъ него творится. Рядомъ будутъ объясняться въ любви, клясться въ вѣрности, ревновать, укорять въ холодности, просить свиданій, назначать ихъ въ тѣ или другіе часы, грозить самоубійствомъ, горячо благодарить за счастье, восторгаться неожиданною радостью, умолять выйти въ урочное время на балконъ, упрекать за ласку, доставшуюся другому, а несчастному заѣзжему чужаку и невдомекъ вся эта безмолвная симфонія признаній и обѣтовъ. Съ чего это они? — думается ему. — Вѣдь не жарко, а размахались,

только слушать мѣшаютъ. Такъ и на этотъ разъ совсѣмъ незамѣченными прошли первыя сцены прелестной оперы. И желтый берегъ спокойнаго Нила съ вѣнцами пальмъ вдали и хижинами отшельниковъ, и благоговѣйная молитва Паломона, вѣющая на душу миромъ пустыни. Вдали показывается Атанаэль. Онъ весь полонъ ужасъ и негодованія. Въ развратной Александріи онъ видѣлъ куртизанку Таису, и грѣховный образъ ея преслѣдуетъ молодого себонита. Будь она проклята, жрица Венеры, еще дитя, но уже въ совершенствѣ постигшая всѣ таинства преступнаго культа. Вихремъ ворвалась она въ грудь Атанаэля, измученнаго постомъ и лишеніемъ.

— Что-то незамѣтно — шепчетъ около благородный гидальго.

И дѣйствительно, какъ злополучный баритонъ ни стянулъ живота поясомъ, брюхо опарою поднялось надъ нимъ. Подбородокъ на собственномъ блюдѣ!

— Щеки вотъ-вотъ лопнуть.

— Какъ спѣлый бананъ.

Донъ Игнасіо Хиль насторожѣ, и арія упитаднаго Королли покрывается аплодисментами... Публика молчитъ. Здѣсь слишкомъ много гидальго, чтобы работать. А рукоплесканіе — та же работа. Пусть ее дѣлаетъ клака, ей за это платять. Публика только не мѣшаетъ.

Атанаэль подошелъ къ рампѣ. Принимая, очевидно, партеръ за мѣстопребываніе небесныхъ силъ, онъ докладываетъ имъ свое желаніе во что бы то ни было спасти Таису отъ грѣха и привести ее покорною овцой въ пустыню... Небесныя силы черезъ посредство дона Игнасіо Хиль и его amigos изъясняются аплодисментами свое согласіе, несмотря на хоровое опасеніе прочихъ отшельниковъ, какъ бы

юный проповѣдникъ самъ не заблудился въ городѣ... и не погубилъ своей души. Темнѣютъ пески. Ночь уходитъ въ сумракъ, она за другою пропадаютъ въ потемкахъ прирѣчныя пальмы. Въ хижинахъ себонитовъ вспыхиваютъ огоньки. Пустыня, мистическая, таинственная, отовсюду надвигается съ своимъ безмолвіемъ... Чуть слышно плачутъ о чемъ-то скрипки... Арфа вздыхаетъ о несбывшейся мечтѣ, и въ дивные аккорды Маснэ пропикаетъ что-то загадочное, чуждое этому схимническому уголку, нѣжное, ласковое, страстное... Далекая Танса, жрица развратнаго города, тонкими почти дѣтскими пальчиками разбудила въ душѣ Атапаэли дремавшія и убаюканныя молитвою струны. Въ мертвомъ молчаніи недвижныхъ песковъ онѣ дрогнули и зазвенѣли робко... Весь полный неясной грезы о ней себонить засыпаетъ. Ночь изъ-синя черна. Все кругомъ погрузилось въ мертвый покой... И вдругъ за Ниломъ сонъ молодого монаха мало-помалу опредѣляется и выступаетъ въ яркихъ выпуклыхъ образахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ святыней аскетическаго уголка Оиванды. Бѣлыми фантомами подымается туманъ... Въ туманѣ намѣчивается громада Александрійскаго театра. На скамьяхъ его — жадные зрители. Подавленная страсть скрипокъ все громче и вдохновеннѣе, пламеннѣе и призывнѣе стопы арфы, веселыми змѣйками поползаютъ въ нихъ коварныя флейты... Сцена грезящагося себониту театра слабо освѣщается, точно онъ видитъ ее сквозь полуопущенныя вѣки, и на ней вдругъ появляется полуодѣтая Танса — мима страстей Афродиты... И на публику вокругъ меня дѣйствуетъ эта музыка. Быстрый шелестъ вѣровъ. Легко даются обѣщанія и страстиѣе вымаливаются встрѣчи... Юноша рядомъ точно весь изъ струнъ, по которымъ двигается невидимый смы-

чокъ. Въ Таисѣ, танцующей передъ счастливыми александрійцами, онъ видитъ свою избранницу... Тихо-тихо кругомъ. Черезъ всю эту пустыню, остывающую въ Нильскую почъ, доносится къ отшельнику отдаленный гулъ восхищенной толпы, и въ немъ онъ различаетъ только одно слово: Таиса!.. Таиса!.. Таиса!.. Донъ Игнасіо Хиль закрылъ глаза. Онъ отдыхаетъ. Еще не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, и вспухшія ладони «jefe» мадридской клаци могутъ отдохнуть. Въ окрестрѣ начинаются «agitato». Скрипки орутъ, какъ зарѣзанные, арфы уже не слышно. Контрабасъ, точно его кто-то подъ мышками щекочетъ, закатывается демоническимъ хохотомъ, скоро во всѣ свои мѣдныя глотки завьили трубы. Кого угодно разбудятъ — можно ли было спать Атанаэлю, настроеніе котораго иллюстрируетъ эта музыка. Онъ, дѣйствительно, вскакиваетъ, падуваетъ щеки, точно собирается извлечь изъ тромбона самую оглушительную ноту... Вотъ-вотъ треснетъ, какъ спѣлый арбузъ. Нѣтъ, поясъ надежнѣе желѣзнаго обруча.

Honte, horrible!

Tenebres éternelles! Seigneur! Seigneur! Assiste moi...

Донъ Игнасіо Хиль вздрагиваетъ и открываетъ глаза...

Начинается и его служба.

Клака пастораживается.

Атанаэль въ своемъ снѣ видитъ знаменіе. Самъ Богъ призываетъ его спасти развратную, но прекрасную Таису. «Господи, отдай мнѣ ее, отдай! — вызываетъ онъ въ партеръ. — И я Тебѣ ее возвращу для жизни вѣчной». По партеру Провидѣніе устами клаци сдержанно отвѣчаетъ ему bueno-bueno. Донъ Игнасіо возводитъ очи горѣ и изображаетъ сильнѣйшій восторгъ, «друзья» подражаютъ ему, какъ

могутъ. Очевидно, репетиція у нихъ была основательная, молитвенное настроеніе охватываетъ и дамъ, принадлежащихъ къ этой «священной дружинѣ», нѣкоторые даже крестятся. Вѣра успокаиваются. Крылья бабочекъ неподвижны... Монахи на неистовые крики брюхатаго отшельника показываются на порогахъ своихъ хижинъ. Нильская почъ озаряется факелами. Въ сѣрыхъ сумеркахъ едва-едва проступаютъ вершины пальмъ... Напрасно старецъ Палемонъ убѣждаетъ Атанаэля: «не мѣшайся въ мірскія дѣла — въ этомъ вѣчная мудрость!...»

Пустынники провожаютъ Атанаэля къ Илу. Дыханіе пустыни пробѣгаетъ по его камышамъ, себониты преклоняютъ колѣна, молятся о братѣ. Его голосъ, теряясь въ золотыхъ, даже ночью, пескахъ Оиванды, доносится сюда: «Духъ свѣта и милости, вооружи мое сердце на битву, укрѣпи меня силой архангела на бѣсовскую прелесть»... Гдѣ-то воетъ шакаль... (*pianissimo* віолончели на верхнемъ регистрѣ), и вдругъ донъ Игнасіо вскакиваетъ, какъ ужаленный. Клака на ногахъ. «Друзья за публику», выражаютъ высочайшій порывъ энтузіазма, способный разогнать всѣхъ шакаловъ Ливін.

— Ну, что, вы меня теперь поняли? — торжествуетъ синьоръ Хиль.

— Въ чемъ это?

— Вы слышали, какъ прорвалась скрипка въ оркестръ?

— Это когда завылъ шакаль?

— Да развѣ по клавираусцугу полагалось выть шакаламъ? Тамъ поставлено *molto moderato*!... Просто смычокъ скиксовалъ... А мы его выручили, и публика не замѣтила.

— Послушайте, донъ Игнасіо! — подошелъ къ нему какой-то толстякъ.

— Вашъ слута.

— Узнайте миѣ, гдѣ этотъ Королли покупаетъ пояса?

— А что?

— Падѣ бы и миѣ. Ужъ если этакое брюхо удержалъ на ребемолѣ, не лопнулъ, значитъ, матеріалъ надежный. Должно-быть, кордуанская кожа...

IV.

Я не знаю ничего величественнѣе и прекраснѣе у Массенѣ вступленія во вторую часть «Тансы»... Закройте глаза, чтобы не видѣть глупыхъ и наглыхъ фигуръ залавѣса, и уйдите мечтательною душою въ поэтическія были. Развѣ это не прохладный вечеръ сладострастной красавицы Александрии, утомленной за день горячими красками солнца? Тишина и кротость сходятъ съ томнѣющихъ небесъ на ея мраморы и обелески. Въ сквозныя колоннады, подъ ихъ царственныя арки медленно плыветъ дыханіе ночи. Утихаетъ теплое море у ногъ города-великана. Далеко-далеко зажигаются огни триремъ, и на августѣйшемъ маякѣ Клеопатры вспыхиваетъ благодѣтельный свѣточъ. Страстныя, томныя звѣзды выступаютъ въ бездонной лазури. Неисчислимые дворцы тонутъ въ прозрачномъ сумракѣ. Въ безмолвіи повелительницы средиземныхъ волнъ — гимномъ наслажденію, землѣ съ ея очаровательнымъ грѣхомъ, грѣху съ его обворожительною землею — подымается вздыхающая, зовущая любовь и отвѣтное біеніе сердца — старая египетская пѣсня. Гдѣ родилась она? Въ пескахъ Ливійской пустыни,

подъ тѣнью гигантскихъ гробницъ первыхъ фараоновъ? Убаюкивалъ ли ее желтый Нилъ, неся на груди вмѣстѣ съ алыми цвѣтами гранатъ съ бѣлыми лиліями и ея нѣжные, вѣющіе неразгаданною тайною звуки?... За мраморною башней птоломеевыхъ палатъ подымается луна... На преклонившейся передъ нею бѣлый городъ она набрасываетъ, какъ на покорную невесту, серебристую фату... Гдѣ же нѣхъ этой красавицы, чего еще ожидаетъ онъ, когда и воздухъ, переполненный ароматомъ, и нѣжная пѣсня, и ласковое теплое море, и остывающіе мраморы готовы, и на песчаныхъ башняхъ въ честь его зажигаются привѣтственные огни?... Тихо подымается занавѣсъ. Терраса богача Нисіаса. Съ нея видна вся Александрія. Средиземная даль пропадаетъ въ вѣчной загадкѣ неба. Надъ террасой громады деревья... Атанаэль входитъ. Лежащій внизу обольстительный городъ кажется ему безстыдно раскрытою чужому взору голою блудницей. Отпелъникъ самъ родился и выросъ здѣсь, но рано бѣжалъ отъ соблазна и ненавидитъ роскошь и прелесть всесвѣтной гетеры. Ему презрѣнны ея наука и искусство. Суровой душѣ себонита слишкомъ краснорѣчиво говорятъ мрачныя еивайдскія скалы, чтобы въ ней оставалось еще мѣсто колоннамъ, карнизамъ, плоскимъ кровлямъ и царственнымъ аркамъ. Отсюда ему виденъ клочокъ земли, оттуда открывается вѣчность и безконечность. Передъ ними безсильно преклонились вселенныя! Въ грозахъ его пустыни слышенъ голосъ Бога. Тамъ еще поднимаются купины, изъ которыхъ Онъ говорилъ Моисею. Что ему знойная, просящая грѣховнаго пощедуя, пѣсня послѣ тѣхъ звуковъ, къ которымъ прислушивался избранникъ неба въ своемъ первозданномъ храмѣ?

Нищій-монахъ на террасѣ богача Нисіаса, —

александрійскаго Петронія, — производитъ такое же впечатлѣніе, какое вызвалъ бы любой изъ босяковъ Максима Горькаго въ великосвѣтскомъ салонѣ. Челядь гонить его вопъ «какъ собаку» (*mon maitre ne reçoit pas les chiens comme toi!*). Напрасно Атанаэль увѣряетъ ихъ, что онъ другъ ихъ господина. Его хотятъ бить, онъ съ истинно христіанскимъ смиреніемъ предлагаетъ:

— *Frappe, si tu le veux, mais avertis ton maitre!..*

Отшельникъ, оставшись одинъ, вспоминаетъ развратный городъ, горячій, насыщенный одуряющими ароматами, воздухъ котораго будить сладостныя желанія... Полный пѣги шумъ средиземныхъ волнъ кажется грѣховною пѣсней сирены съ золотыми глазами. Атанаэль давно проклялъ родину, отъ нея соблазновъ ушелъ въ пустыню. Ему ненавистна любовь въ грѣхѣ и роскошь, служащая демону. Обманчиво прекрасное небо и подлая наука, раба насилія... «Ангелы грознаго Бога! Гдѣ ваши крылья! Разсѣйте ихъ взмахами всѣхъ призрачныхъ очарованій... Зову васъ!» (Цонъ Игнасіо Хиль, принимая это на свой счетъ, отзывается «дружными» рукоплесканіями). Королли, прижавъ руку къ сердцу, раскланивается, пятясь отъ бѣлой Александрии, и носъ къ носу сталкивается съ Инсіасомъ. Тотъ опирается на плечи двухъ полуобнаженныхъ рабынь.

— Ты знаешь, ихъ привезли для этой оперы изъ Севильи?..

— Ихъ и другихъ, для слѣдующаго акта.

Я невольно слушаю разговоры сосѣдей въ то время, какъ Инсіасъ обнимаетъ своего друга и брата Атанаэля.

— И тамъ такія рѣдки!

— Говорятъ, ихъ искали по всей Трианѣ. Пять «штукъ» нашли, а двѣнадцать — въ Макаренѣ.

— Онѣ не вернутся домой!

— Еще бы. Неужели у насъ въ Мадридѣ мало денегъ и молодежи, чтобы отпустить такихъ?

— Герцогъ Доріанъ уже укралъ одну. Рыжеволосую малагенью. Заперъ ее въ своемъ дворцѣ и никуда не показывается вторую недѣлю.

— Дай Богъ каждому христіанину!

— Рай на землѣ?

— Да!..

Молодой философъ и сибаритъ Нисіасъ былъ изъ вторыхъ теноровъ и вмѣсто высокихъ нотъ, гдѣ онѣ приходились, дѣлалъ зловѣщіе глаза и вытягивалъ шею такъ, что изъ публики крикнули: «Опусти фитиль въ лампѣ, а то падымишь!» Очевидно, ему не изъ чего было платить дону Игнасію, ибо тотъ промолчалъ и ничѣмъ не поддержалъ несчастнаго. Изъ музыкальнаго діалога далѣе сибаритъ Нисіасъ узналъ отъ босняка Атанаэля, что тотъ пришелъ въ Александрію только на одинъ день.

— Зачѣмъ?

— Ты знаешь Тансу, куртизанку?

— Еще бы! Она еще на нѣсколько часовъ моя. Я продалъ для нея мой виноградникъ, мою послѣднюю землю, мою послѣднюю мельницу и написалъ ей три книги элегій. Но все это для нея ничто. Ея любовь быстролетна, какъ греза. Чего ты отъ нея ждешь?

— Хочу вернуть ее Богу!

Но чтобы совершить это чудо, надо ее увидѣть. Нисіасъ убѣждаетъ его не оскорблять Венеры, которая за себя де постонѣтъ. Еще не было примѣра, чтобы всемогущая богиня прощала смертнымъ такіа обиды. Атанаэль сталъ на своемъ. «Гдѣ онъ можетъ ее увидѣть»? Разумѣется, у своего друга и брата, потому что она придетъ къ нему на пиръ сегодня же, по окончаніи спектакля, въ которомъ те-

перь плѣняетъ всю Александрію... «Дай мнѣ, во что одѣться, я знаю, что въ моихъ лохмотьяхъ не могу явиться передъ нею». Нисіасъ поручаетъ это рабынямъ. Полуобнаженные красавицы изъ Триана берутъ невѣроятнаго босняка и ведутъ его, смѣясь будущему пораженію взбалмошнаго отшельника. Смѣхъ невольницъ передается всей залѣ. Толстаго Королли переоблачаютъ въ глубинѣ сцены. Дамы въ ложахъ цѣломудренно опускаютъ глаза. «Какъ онъ хорошъ, — поютъ удивленные служанки. — Смотри, какъ онъ мѣняется на нашихъ глазахъ!... Онъ прекрасенъ, какъ молодой богъ».

— Развѣ молодые боги бываютъ беременны? — интересуется кто-то изъ публики.

Клака старается аплодисментами покрыть неоптительныя замѣчанія. Но хохотъ растетъ все больше и больше. Раскраснѣвшійся отшельникъ стремится уйти изъ рукъ красивыхъ рабынь, но тѣ держатъ его крѣпко... И вдругъ въ оркестръ начинается чудная мелодія, отъ которой весь театръ стихаетъ, какъ замороженный...

Вдали восклицанія... Улицы тамъ наполняются народомъ. Онъ восторженно встрѣчаетъ кого-то. Нисіасъ съ террасы вглядывается.

— Смотри и берегись! — подзываетъ онъ Атанаэля. — Вотъ твой ужасный врагъ!

Массенъ совсѣмъ язычникъ. Я не знаю, кто изъ другихъ композиторовъ умѣлъ бы такъ передать всю красоту угасшаго навсегда міра. Тутъ не одна прелесть музыкальных сочетаній! Они до такой степени проникнуты духомъ древняго культа, въ нихъ такъ обожествлена земная страсть, и грѣшной любви дана непобѣдимая обольстительная сила! Неужели этотъ жалкій монахъ можетъ устоять въ грубомъ отрицаніи настоящей, сверкающей ослѣпительнымъ блескомъ, вихремъ захватывающей

жизни. Да полно, есть ли еще что-нибудь достойнѣе всѣхъ этихъ чудно переплетающихся грустью, завораживающихъ сердце и убаюкивающихъ мысль мелодій. Гистріоны, комедіантки, философы показываются въ головѣ торжественнаго шествія. Музыка зоветъ всѣхъ къ наслажденію. Радость коротка, завтра, можетъ-быть, у вашего порога станетъ смерть съ ея вѣчною тьмою. Не теряйте счастливаго и благодатнаго «сегодня». Въ могилѣ будутъ молчать желанія, а если бы они и проснулись, ничто уже не удовлетворитъ твоей жажды. Разъ фіалъ отнять у высохшихъ отъ вождельнія устъ, какая рука подастъ его снова? Дивная музыка растетъ, и въ ней вы слышите уже весь этотъ заласканный солнцемъ, небомъ и моремъ, опьяненный дыханіемъ цвѣтовъ и избалованный прелестью женской ласки городъ. Вамъ кажется: покотъ его арки, колоннады, портики, башни и храмы. Все въ единой хвалѣ безумію наслажденій. Вихремъ срывается бѣшенный и неодолимый порывъ къ такому грѣху и счастью грѣха, что передъ нимъ въ безсиліи отступаетъ все, что еще осталось на землѣ не тронутаго имъ и не заколдованнаго. Вмѣстѣ съ теплыми мраморами поетъ небо, море, звѣздная тропическая ночь. Милліоны пульсовъ возбужденно бьются въ звукахъ. Скоро всѣмъ чудится, къ ней присоединяется весь лежащій позади таинственный Египетъ. Въ стремительномъ уносѣ къ любви, сама любовь уже перестаетъ быть любовью, она — законъ вселенной, ею движутся мѣры, погибаютъ и создаются новые, изъподъ ея подѣлуя сыплются въ довременную бездну созвѣздія за созвѣздіями и пропадаютъ въ загадочномъ круговоротѣ.

Въ объятіи — боги и цѣль бытія... И все это — и земля, и море, и бѣлый мраморъ, и восхищен-

ные отъ будничной жизни люди, — полно однимъ: «Таиса... Таиса»... Въ мелодическомъ танцѣ выступаютъ чуть не со всей Испаніи собранныя для этого театра красавицы. Вы попали въ океанъ неизобразимой прелести и, уходя на его дно, видите кругомъ изумительныя плечи, руки, торсы... Ритмическія движенія александрійскихъ плясуній гипнотизируютъ, вы чувствуете, что сердце ваше дѣйствительно замираетъ отъ ожиданія. Этотъ колдунъ-композиторъ смѣлымъ порывомъ вдохновенія и вась унесъ съ собою въ древность, запесенную теперь горячими песками всепобѣдной пустыни... Танецъ развивается, какъ гирлянда пышныхъ розъ... И когда, казалось, вы сейчасъ крикните съ болью и наслажденіемъ отъ восторга, въ глубинѣ на ступени террасы, одиноко подымается сама царица поэтического сна — Таиса.

Донъ Игнасіо Хиль оглянулся.

Публика была наэлектризована и безъ него.

Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ: «Молчите де. Теперь намъ дѣлать нечего».

А у самого на лицѣ: нынѣ отпускасти!

И въ самомъ дѣлѣ, я такой бурной оваціи не видывалъ на своемъ вѣку. Должно-быть, старикъ Массенъ былъ влюбленъ въ Сибиллу Сандерсонъ, влюбленъ до того, что сталъ вдругъ юношей, да какимъ! Приготовить такой выходъ для артистки можетъ только молодой, безумно увлеченный гешій. Я воображаю, какъ должна была быть хороша американская дива, съ классическими линіями ея тѣла, въ этой удивительной партіи, если даже наша москвичка показалаась мнѣ царицей, богиней, чѣмъ хотите, только вовсе не обыденной красивой женщиной, которую я сегодня еще видѣлъ утромъ въ залитой

солнечнымъ свѣтомъ комнатъ надъ Puerta del Sol. И вскочилъ и аплодировалъ, и мнѣ это не показалось страннымъ, потому что также вскочили и также безумствовали мои сосѣди, партеръ, ложн. Я какъ во снѣ помню возбужденныя лица, ярко сіяющіе глаза, тяжело, точно сердце билось съ двойною силой, дышащія груди. На какой страшной высотѣ должна чувствовать себя въ такія минуты артистка! Чѣмъ та же Сандерсонъ могла расплатиться съ Масснэ за пережитое ею счастье повелѣвать вселенной?

V.

Сестра Харитъ, роза Александрін, прекрасная и молчаливая Танса, я не узналъ въ ней моей москвички. Музыка преобразила и ее и меня. Я повѣрилъ въ то, что вложилъ въ мою душу гениальный композиторъ, она поднялась на недоступную высоту. Оркестръ все уходилъ въ медлительно, словно кольца змѣи, развивавшуюся тему, капельмейстеръ умиралъ на своемъ стулѣ. Скрипки, віолончели, арфы, флейты и трубы были въ его рукахъ однимъ послушнымъ инструментомъ. Даже хриплый пѣтухъ — второй теноръ и тотъ увлекся партіей и очень недурно вторилъ Тансѣ. Сумѣлъ вложить иѣжную поэзію печали въ обращеніе къ ней: «Въ послѣдній разъ ты сядишь за этотъ столъ, осыпанный цвѣтами. Завтра я стану для тебя ничѣмъ. Едва ли ты вспомнишь мое имя!..» И вдругъ плѣнительное, такъ и крадущееся въ сердце сопрано: мы цѣлую долгую недѣлю любили другъ друга... долгую, долгую недѣлю!.. Завтра, свободная отъ твоихъ объятій, я уйду... далеко... далеко... Этотъ вечеръ нашъ. Возьмемъ отъ него все, что онъ можетъ дать намъ.

Пусть часы текутъ въ божественномъ блаженствѣ, въ чудномъ забытѣ... Что еще можетъ принести намъ утро... до завтра, до завтра»... И вдругъ, замѣчая устремленный на нее огненный взглядъ Атанаэля: «Кто этотъ чужеземецъ съ грозными очами и суровымъ лицомъ?...»

Нисіасъ. Онъ здѣсь для тебя. Философъ съ твердою душою, отшельникъ пустыни.

Она. Что онъ приноситъ мнѣ — любовь?

Нисіасъ. Человѣческая слабость не для его сердца. Онъ хочетъ обратить тебя въ свое святое ученіе.

Она. Какое? Въ чемъ оно?

Атанаэль. Въ презрѣніи къ плоти, въ отвращеніи къ страсти, въ тяжкихъ искупленіяхъ грѣха.

Она. Иди... Слѣдуй своимъ путемъ... Я вѣрю одной любви, другая сила не властна надо мною!

Среди бѣлой, уносимой ароматами Александрін, подъ теплымъ лазурнымъ небомъ Египта, въ мелодіи страстныхъ вздоховъ снстръ и арфъ, начинается изумительный поединокъ жрицы торжествующаго культа Венеры и выходца изъ опаленной солнцемъ пустыни, изсушившей плоть до того, что огненная душа сквозь ея жалкія стѣны все кругомъ жжетъ, что смѣетъ къ нему приближаться. Изъ устъ вдохновеннаго аскета убійственный самумъ проносится по этому міру, волнуя души невѣдомымъ ужасомъ передъ незримымъ, непонятнымъ, стихійнымъ, внезапно надвинувшимся на нѣжную идиллію... Но въ ней своя правда — правда жаждущей земного счастья персти. И она на минуту одолеваетъ чары Атанаэля. Онъ уходитъ, и, освобожденная отъ зловѣщихъ призывовъ и проклятій, идиллія растетъ гармонически и стройно. Ярче разгораются звѣзды

средиземной ночи. Возбужденно пахнуть цветы, разсыпанные на мраморной террасѣ. Красивѣе развивается манящая къ забвенію пляска. Голова Таисы въ упоеніи склоняется къ плечу влюбленного въ нее Нисіаса. Въ ея томномъ взглядѣ изъ полуопущенныхъ рѣсницъ обѣщаніе такого рая, что суровый призракъ Эванды пропадаетъ въ потемкахъ, густящихся за чуть видными отсюда вершинами пальмъ...

Я не узнавалъ моей знакомки...

Неужели ее я видѣлъ сегодня въ будничной обстановкѣ банальнаго отеля? Вѣдь у этой каждый нервъ трепещетъ жаждою ласки, она вся отдается невѣдомо откуда нахлынувшей на нее и приподнявшей волнѣ. Живетъ каждымъ пульсомъ этой музыки, и сама вся музыка. Боишься, чтобы звуки не оборвались, съ ними умереть и она, одухотворенная ихъ загадочною, красивою жизнью. И не зоднѣ, кругомъ всѣ чувствуютъ то же. Замерли вѣра. Въ партерѣ всѣ ушли въ эту чудную картину... И когда надъ нею опустился занавѣсъ, не одинъ я простоналъ отъ внезапно оборвавшагося наслажденія. Съ минуту сидѣли точно въ забытѣ, и вдругъ глухо зачался гдѣ-то и по всему театру прокатился громовой раскатъ: донъ Игнасіо Хиль началъ свою музыку, и клака въ его рукахъ была такимъ послушнымъ инструментомъ, какимъ нѣсколько моментовъ назадъ громадный оркестръ въ рукахъ плѣшиваго и маленькаго дирижера... Донъ Игнасіо дѣйствительно захватывалъ и уносилъ «публику», она невольно поддавалась его сремительнымъ порывамъ. Вызывали безъ конца Таису, Атаназя, забыли или простили его вздутый животъ и глупое счастливое лицо. Заодно «въ томъ числѣ» вышелъ даже и благополучно раскланялся, тотчасъ

же принявъ гордый видъ, хриплый теноръ Нисіасъ. «Наконецъ-то оцѣнили, я зналъ, что рано или поздно, а этимъ кончится!»

— Ну, что? — встрѣтился со мною въ коридорѣ донъ Игнасіо.

— Парижанину, *monsieur David*'у надо у васъ учиться.

— Вы знаете почему? Онъ — ремесленникъ, а я — артистъ. Его пѣвцы называютъ «*monsieur*», а я для нихъ *maestro*. Онъ раздражаетъ, а я согреваю. Я — то же, что хорошее брасеро въ холодную зиму. Тутъ бы всѣ окоченѣли безъ меня.

— Вы вхожи за кулисы?

— Я? — удивился онъ. Точно я спрашивалъ его, часто ли онъ поситъ этотъ безукоризненный фракъ. — Я?.. Да я выросъ тамъ. Я здѣсь господинъ... Вы знаете, что я сдѣлалъ разъ, когда король не замѣтилъ моего поклона? Я, донъ Игнасіо, освисталъ его...

— Послушайте!..

— Да, освисталъ, какъ освистываютъ неудавшагося пѣвца, разумѣется, если онъ не пользуется нашей поддержкой!..

— Можете вы меня ввести туда?

— Еще бы!

Это оказалось вовсе ужъ не такъ трудно. По мѣстнымъ обычаямъ «за кулисы» открыты всѣмъ абонентамъ, слѣдовательно, «большому свѣту». И не только «за кулисы», но и двери уборныхъ не смѣютъ захлопываться передъ ихъ благородными кастильскими посами. Артистку, рискнувшую сдѣлать это, тотъ же *conde Miguelena* оштрафовалъ, и несмотря на ея негодованіе, заставилъ подчиниться общему правилу. Она должна одѣваться, гримироваться при всѣхъ. Только въ затруднительныя минуты,

когда натягивается трико или мѣняется бѣлье, она со своей портнихой уходитъ за ширмы. Впрочемъ, такія пѣвицы, какова была Гударини, не лишали зрителя и этого наслажденія. «Пусть ихъ, меня не убудеть, а послѣ этого они аплодируютъ охотнѣе и вздыхаютъ, какъ кузнечные мѣха!» Вообще дама была откровеннаго направленія и любила безъ обману показывать товаръ лицомъ, пока ее не «замѣтилъ» и не оцѣнилъ Альфонсъ XII. Такіе нравы здѣсь царятъ со временъ Филиппа IV и герцога Лермы. Добродѣтель актрисы была чѣмъ-то въ родѣ фальшивой монеты. Имѣла успѣхъ, пока ей вѣрили. Богатые и развратные царедворцы посылали къ дивѣ своихъ лакеевъ съ кошельками золота и адресомъ загороднаго кабачка, куда она должна была пріѣхать, послѣ такой своеобразной визитной карточки...

Александръ Порфирьевну я засталъ столь окруженною, что до сихъ поръ не понимаю, какъ она меня разсмотрѣла среди всѣхъ этихъ злоувѣщихъ гидальго въ плащахъ на фракахъ и въ шляпахъ.

— Проходите сюда, поближе, поближе...

— Что вы не пригласите ихъ снять шляпы?

— Не хочу быть освищенной. Они всѣ страшно самолюбивы.

Александра Порфирьевна стояла въ одной туникѣ. Подъ электрическимъ свѣтомъ ея удивительныя плечи такъ и горѣли. Какой-то старикъ, пьяно глядя на нихъ, сосалъ свой собственный языкъ, а у другого рядомъ, налившіеся кровью глаза чуть не выскочили на лобъ... На меня всѣ посмотрѣли непріязненно. Еще бы, я говорилъ на невѣдомомъ и неслыханномъ языкѣ. Уже это одно испанецъ считаетъ оскорбленіемъ. И не улыбайся она такъ ласково, ей бы подобный промахъ поставили на счетъ.

Портниха явилась, наконецъ, съ другимъ платьемъ. Она начала переодѣваться медленно, лѣниво, съ перевалочкой и подходцемъ. Въ горлѣ у сосѣда заклокотало, точно онъ подавился собственной слюной, а старикъ, сосавшій языкъ, зачихалъ. Какой-то маленькій и юркій господинчикъ отвелъ локтемъ потниху и самъ началъ застегивать и закалывать платье и при этомъ давай на несчастную работницу набрасываться: и то не такъ, и это никуда не годится. Смотрѣлъ я на него, смотрѣлъ. Что за чудо такое? Женскій портной, что ли? И булавки у него во рту, и складки на хитонѣ располагалъ увѣренно...

— Это что еще за экземпляръ? — спрашиваю.

Примадонна вспыхнула. Экземпляръ пристально взглянулъ на меня.

— Прогнали бы его. Чего онъ носомъ суется вамъ въ плечи...

— А вамъ завидно? — обращается ко мнѣ «экземпляръ» на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Признаюсь, оторопѣлъ. А онъ еще улыбается и, видимо, наслаждается моимъ смущеніемъ.

— Позвольте представиться: русскій посланникъ князь Горчаковъ.

— Вотъ тебѣ и на!

— Радъ познакомиться, мнѣ Александра Порфирьевна уже говорила о встрѣчѣ съ вами... Сегодня послѣ театра милости просимъ ко мнѣ ужинать. Александра Порфирьевна не откажется при-
везти васъ. Вамъ вѣдь все равно, назадъ по дорогѣ.

VI.

Я еще не совсѣмъ пришелъ въ себя, нѣсколько пораженный случившимся, какъ вдругъ всѣ разступились и разступились довольно почтительно. Чортъ

возьми, думаю, ужъ не король ли? Если посланники застегиваютъ ей платье, почему королю не прійти разстегнуть его. Нѣтъ, смотрю, рослый красавецъ, въ плащѣ на одномъ плечѣ. Великолѣпно скроенный фракъ, заправки такъ и сверкали: рубины въ ноготь величиной, а въ рукавчикахъ еще крупнѣе — цѣлое состояніе. Лицо бритое, самоувѣренное. Киваетъ однимъ, другимъ едва протягиваетъ руку, и тѣ низко кланяются. Сѣлъ безъ приглашенія на стулъ и небрежно Александрѣ Порфирьевнѣ:

— Вы сегодня мнѣ понравились...

— Да? Благодарю. Я тоже послѣднее воскресенье восхищалась вами!

Выслушалъ, какъ должное. Обвелъ жаднымъ взглядомъ ея плечи и всю фигуру. Я только тутъ замѣтилъ, что волосы у него позади были заплетены въ тонкую косичку, и та подвязывалась вверхъ, дѣлая странную петлю. Что-то знакомое мелькнуло въ его лицѣ. Боже мой, да это Маріано... Знаменитый тореро! Онъ вмѣстѣ съ Лагартихо и Фраскуэло считался тогда первою шпагой Испаніи. Только тѣ были уже на закатѣ, а донъ Луисъ, какъ его фамиллярно называли *aficionados* боя быковъ, оказывался въ самомъ расцвѣтѣ славы. Гверрера, Геррита, Бомбита Фуэнте и Реверта еще не выступали или кололи быковъ на провинціальныхъ аренахъ, и у великолѣпнаго Маріано соперниковъ не было.

— Послушайте, герцогъ... — обратился онъ къ молодому красавцу.

Тотъ покраснѣлъ отъ радости быть замѣченнымъ такою персоной.

— Въ воскресенье я съ своими бандерильо собираюсь къ вамъ послѣ коррида.

— Мой домъ и все въ немъ къ вашимъ услугамъ (a la disposition de ùste)!

Маріано кивнулъ ему головой... Еще разъ обвелъ жаднымъ взглядомъ Александру Порфирьевну и, вздыхая, произнесъ:

— Даетъ же Господь женщинѣ столько прелести... Въ воскресенье я вамъ посвящаю моего перваго быка!

Она вспыхнула отъ радости. Глаза у нея такъ и заискрились...

— Я вамъ страшно буду благодарна!

— Увидимъ! — многозначительно подчеркнул онъ.

— Для меня это такая честь.

Но онъ уже ее не слушалъ. Осчастливилъ, и будетъ. Чего же еще? Когда онъ ушелъ, я не безъ ревниваго чувства проговорилъ:

— Однако, и нахаль!..

— Что вы, что вы... Для меня это такая реклама. Завтра же о его визитѣ въ мою уборную заговорятъ всѣ газеты.

— Да что, онъ король?

— Король! — съ пренебреженіемъ протянула она. — Ко-о-роль. Очень нужно. Альфонсъ у меня два раза былъ, объ этомъ никто и не заикнулся. Но Маріано, первый тореро, — другое дѣло. А въ воскресенье, когда онъ посвятитъ мнѣ быка, мнѣ на улицахъ будутъ аплодировать. Зембрихъ подавится отъ злости. Я уже не говорю о Лаборанти. Ту и теперь лихорадка бьетъ.

— Почему теперь?

— Будьте увѣрены! Весь театръ уже знаетъ, что донъ Луисъ былъ у меня въ уборной.

Я вспомнилъ, что любая condessa или герцогиня здѣсь, — пожелай только ее Маріано, — откроетъ

ему двери не только уборной, но и спальни. И супругъ посмотритъ на это сквозь пальцы. Духовникъ и тореро исключаются изъ общаго правила. Согреѣшить съ нимъ «и пріятно, и полезно, и поклонъ его высокопревосходительству!»

И дѣйствительно, когда я пришелъ въ залу, тамъ уже говорили о томъ, что «великій» Маріано сидѣлъ въ *camerino* у примадонны и не только обошелся съ нею ласково, но и обѣщалъ посвятить ей перваго быка въ слѣдующее воскресенье. Лаборанты (тоже сопрано), мнѣ ее указали въ ложѣ, сидѣла, вся блѣдная, и нервничала вѣеромъ, какъ никогда. Донъ Игнасіо ходилъ павлиномъ и, 'величественно кивнувъ мнѣ, процѣдилъ: «Это я послалъ донъ Луиса къ ней... Мы съ нимъ товарищи. Оба кончили университетъ съ медалями... Я былъ юристъ, а онъ филологъ... У всякаго судьба, но къ намъ Провидѣніе было милостиво! Надо только предупредить ее, чтобы она ему купила подарокъ».

— Кому?

— А донъ Луису. Это принято.

— Подарокъ отъ дамы?

Тотъ изумился: «Что это де, наивность съ твоей стороны или глупость?»

— Да вѣдь онъ *espada*!

— Ну?

— Всѣмъ тореро дамы посылаютъ подарки... Не иначе!.. Передъ своимъ послѣднимъ выходомъ на быка Луисъ торжественно черезъ всю арену подойдетъ къ ней, сниметъ шляпу и крикнетъ: «Донья Александра, этого *toro bravo* я посвящаю вамъ, и если Господу, дарующему побѣду, будетъ угодно, я убью ого въ вашу честь!» Кинетъ шляпу вверхъ, поймаетъ и, граціозно раскланиваясь, отойдетъ прочь... Ну, и вся арена, всѣ пятнадцать тысячъ

человѣкъ заоруть: «Да здравствуетъ донья Александра!» Всѣ мужчины въ нее влюбятся, а женщины, до послѣдней, ей позавидуютъ. Послѣ быка, онъ вновь подойдетъ къ ея ложѣ, она должна будетъ непременно бросить ему перстень... А то еще лучше отколотъ брошку, снять браслетъ и кинуть ему на арену. Это всегда дѣйствуетъ на aficionados... Насъ трое. Я, донъ Луисъ и Гайаре... Знаете пѣвца?

— Еще бы!

— Ну, вотъ. И мы всѣ республиканцы. Разъ король пригласилъ меня, донъ Луиса и Гайаре. Знаете, что мы ему отвѣтили?

— Ну?

— Я, что онъ меня можетъ увидѣть и услышать въ театрѣ, донъ Луисъ, что онъ его, короля, еще ни разу не видѣлъ у себя, и Гайаре приказалъ сказать: «если его величеству угодно меня видѣть, пусть пожалуетъ въ Барселону. Я тамъ буду пѣть Мазаниелло и прямо въ королевскую ложу крикну а bajo el Rey!...»

Публика усаживалась по мѣстамъ.

Музыканты замерли. Капельмейстеръ поднялъ палочку, словно грозясь кому-то... Вѣера зашеле-стѣли въ воцарившейся тишинѣ.

Началась прелюдія третьяго акта...

Медленно поднялся занавѣсъ...

VII.

Таиса вернулась. Вдали замираютъ пѣсни ея удаляющихся плясуній. Грустная музыка наполняетъ палаты, гдѣ свободно, подъ высокими сводами,

движутся волны благоуханій. Знаменитая куртизанка устала, въ эту чудную ночь грустныя звѣзды зажигаются въ ея душѣ и печально свѣтятъ въ ея мракѣ. Въ утомленномъ тѣлѣ растетъ скука жизни и пробуждается душа съ ея таинственными воспоминаніями о вѣчности. Глухо шепчетъ море у окованныхъ въ паросскій мраморъ береговъ. Тихо колышутся триремы, и съ ихъ высокихъ палубъ сюда же доносятся странныя скорбныя мелодіи... Жизнь прекрасна. Таиса одна властвуетъ въ Александріи. Царица красоты и страсти... Но красота уйдетъ, и холодное предчувствіе еще далекой старости, какъ проснувшаяся у Нила коралловая змѣя, поднимаетъ голову. Да, красота уйдетъ, а съ нею отхлынетъ все, что окружаетъ жизнь Таисы невыразимою прелестью. «О, Венера, дай мнѣ вѣчную молодость, не отвори лица твоего отъ меня, я служу тебѣ, моей единственной богинѣ»... Тоска въ ея сердцѣ. Едва-ли не впервые отчаяніе дышетъ на нее холодомъ. Неужели сѣмя, брошенное въ ея мысли словами суроваго пустытника, дало ростки, и они поднимаются теперь, обвивая ее отовсюду чѣмъ-то удушливымъ, безнадежнымъ, страшнымъ... Должно-быть, и раньше въ славной александрійской комедіанткѣ подымались сомнѣнія и запросы. Благородная природа не удовлетворялась внѣшнимъ блескомъ и оскорбительнымъ поклоненіемъ разоряющихся для нея сибаритовъ развратнаго города. Иначе бы сѣмя заглохло на каменистой почвѣ, и ужасъ жизни не заставилъ трепетать эти чудныя плечи и высокую грудь, не угасилъ бы яркихъ очей и не гналъ улыбку съ ея губъ... Ей тяжело. Мало воздуха подъ настежь открытыми сводами. Что-то гонитъ вонъ сильнѣе ея самой... Держась за бѣлыя колонны, она выходитъ на пустынную площадь.

Тишина. Слабый свѣтъ лампы, — это, у ея портика горитъ огонь передъ статуей Эроса. Остановилась у его стеллы и, точно оттоняя отъ себя кого-то, протираетъ руки... У ея порога лежитъ неотступный Атанаэль.

— Отецъ... Богъ говорилъ мнѣ твоими устами... я здѣсь!

Какой дуэтъ! Я до сихъ поръ не могу забыть его. Вихрь пустыни, несущій передъ собою ея убивающіе пески, — голосъ Атанаэля. «Все должно погибнуть здѣсь, на цвѣтущей грѣшною красотою землѣ, чтобы возродиться для жизни вѣчной, пройдя черезъ ужасъ страданія и смерти». Жалоба горлицы — отвѣты Таисы. Она вся приросла къ этому грѣху, каждый нервъ ея уходитъ туда и связываетъ съ чудной прелестью языческаго міра, но надъ ней гигантомъ-утесомъ Оиванды вырастаетъ безпощадный монахъ, и сама себѣ она кажется рядомъ съ нимъ мошкой, только мошкой! Жалкой, безсильной. Пламя отъ его устъ. Стрѣлами вонзаются въ нее взгляды пустытника. Властно говорить ей именемъ Бога. Онъ не обманываетъ ее. Тамъ, въ скалахъ и пескахъ, близко къ небу, на голой пустынной вершинѣ, есть монастырь, гдѣ въ вѣчномъ уединеніи живутъ отшельники. Вся ихъ жизнь — тяжелое испытаніе. Одна мука для умерщвляемой плоти... Путь къ смерти весь устланъ терніями и острыми кремнями. Она оставитъ на немъ преступную красоту, зальетъ доступъ къ могилѣ кровью, но по ту сторону, — куда уйдетъ ея искупившая земную страсть душа, брезжутъ сюда святыя лучи небеснаго свѣта. Тамъ — вѣчность!.. Тамъ радость...

Таиса рыдаетъ у ногъ Атанаэля.

Я ненавиждѣлъ въ эти минуты выходца изъ сожженной солнцемъ Оиванды. Онъ казался отворачи-

тельнымъ съ презрѣніемъ къ красотѣ, къ земной любви, ко всему, что на счастье міра создано благосклоннымъ божествомъ. Языческій міръ лучше угадывалъ счастье жизни и глубже понималъ великую тайну творчества. Цѣль бытія въ его сознаніи была прекраснѣе и доступнѣе бѣдному человечеству. Но Таиса вся уже покорена монахомъ. Она пойдетъ за нимъ на муку, на смерть... Въ ней уже нѣтъ ни своей воли, ни своей души. Исходя кровью, рветъ связи съ прошлымъ. Этого мало. Надо принести первую жертву. Она должна сама, своими руками, сжечь капище грѣха, дворецъ, гдѣ все полно красоты и прелести, которому искусство служило, какъ усердная рабыня. Пусть огонь пожретъ собранныя здѣсь дивныя дива, и въ немъ сгоритъ послѣднее сожалѣніе Таисы о безвозвратномъ прошломъ... Пусть ничто не встанетъ позади живымъ укоромъ, когда на устахъ Оиваиды она будетъ ожидать неизбежной смерти.

Когда вдали показался Нисіасъ съ плясуньями и философами, я имъ обрадовался. Авось, они уговорятъ красавицу отогнать прочь злобнаго изувѣра. Она останется вѣрной свѣтлому культу греческой богини, которой вторымъ отечествомъ явился Египетъ въ эту эпоху... Опять въ прелести и нѣгѣ началъ золотыми кольцами развиваться танецъ, завѣщанный людямъ самими богами. Зазвенѣли сестры, заплакали струны арфъ. Когда передъ жрицами радости и наслажденія появился изъ внутреннихъ комнатъ куртизанки Атанаэль съ свирѣпымъ торжествомъ на исхудаломъ и блѣдномъ (увы, какъ дѣйствительность не соответствовала замыслу автора) лицѣ, — его подняли на смѣхъ. Итакъ, Таиса вернула его къ жизни и счастью, онъ былъ у нея, ѳнъ пилъ изъ этого источника, и живыя воды смыли съ него всю скверну отрицанія міра...

«Молчите!.. Таиса — невѣста Бога... Ваша Таиса ада — мертва навѣкъ, новая — вотъ она, передъ вами».

Распущенные волосы, грубая льняная туника. Ни одного украшенія на рукахъ. На ногахъ не звенятъ мемфисскіе браслеты... Слѣдуетъ взглядомъ за Атанаэлемъ. За нею опечаленныя рабыни, а позади изъ ея покоевъ уже клубится дымъ пожараща. Нисіасъ идетъ къ ней... Передъ нимъ вырастаетъ грозный монахъ: «Прочь, грязь земли... Не смѣй коснуться принадлежащей небу»... Всѣ въ ужасѣ выдвигаются къ Таисѣ, но ее уже крѣпко держитъ отшельникъ... Начинается борьба. Рыдаютъ плясуньи, умоляя свою царицу остаться съ ними. Толпа, остервенѣвъ, хочетъ бросить Атанаэля въ море, но онъ, поднявъ свою добычу, прокладываетъ себѣ дорогу прочь отъ этого міра грѣха и соблазна. Плачутъ тихія струны, къ самому небу взрываются красные языки пламени, дымъ заволакиваетъ таинственныя звѣздныя письма голубой бездны. Гулъ погони замираетъ вдаль... Нисіасъ одинъ. «Прощай, прощай... Память о тебѣ будетъ благоуханіемъ моей души». Оттуда доносится къ нему ея: «прощей, прощай!» и Атанаэлемъ: «навѣкъ!..»

Оазисъ въ пустынѣ Оиваиды. Солнце высоко. Чахлая пальмы... Купы зелени въ золотомъ кольцѣ песковъ. Широко развивается симфонія, изображающая гнѣвное величіе края смерти... Въ музыку безконечности нѣжная и спокойная, какъ журчанье ручья, вливается мелодія... Въ ней и колыханье листьевъ, и тѣнь ея у недвижныхъ водъ одинокаго источника, и трепеть вѣнцовъ этихъ пальмъ, объятыхъ отовсюду лазурью чистаго неба... Вдали показываются Атанаэль и Таиса. Какъ тяжелое иго, ее замучилъ зной. Благоуханный цвѣтокъ Александріи, что сдѣ-

лало съ тобою безпощадное солнце? Поблекли лепестки, опалъ зеленый уборъ стебля. Ты вся склонилась на немъ, безсильная и умирающая... Подсохшій цвѣтокъ!

— Я не могу итти... Отдохнемъ здѣсь.

— Нѣтъ... Впередъ... Впередъ...

— Въ моихъ ногахъ не стало силы... Грудь не дышитъ.

— Пусть изнеможетъ твое тѣло... Умертви свою плоть.

— Отецъ, ты правъ! Пусть небо приметъ мою муку въ искупленье.

— Иди! Это совершенное тѣло ты отдавала язычникамъ, невѣрнымъ... (съ ревнивою ненавистью) Нисіасу... Теперь, когда ты узнала истину, не смѣй смыкать губъ, соединить рукъ, безъ отвращенія къ себѣ самой... Иди... Страдай!..

— Отецъ, ты правъ!

— Иди... Страдай...

— Далеко ли еще до Божьяго дома?

— Иди!

— Я не могу больше... Прости!

Она падаетъ ему на руки. Онъ опускаетъ ее въ тѣнь. Ноги ея въ крови, дыханія уже нѣтъ. Вся она какъ сорванная лилія... Гдѣ-то въ глубинѣ еще таится ея ароматъ, но бѣлый цвѣтокъ умираетъ... Атаназъ не отводитъ глазъ отъ нея и вдругъ съ ужасомъ: «Бѣдное дитя, я слишкомъ длить твое испытаніе. Сестра моя, святая!..» Таиса пришла въ себя... «Идемъ»... — «Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ монастырь Альбины... Сейчасъ я приведу оттуда отшельницъ... Плоды и вода воскресятъ тебя... для новыхъ испытаній»... Онъ отходитъ къ колодцу... Но Таиса вся теперь уже въ небесахъ. Благодарна за все. Смерть не пугаетъ ея, она причастилась истины и кротко

ждетъ конца. Благословляетъ жестокаго монаха, вернуvшаго ее Богу. Съ любовью смотритъ на его покрытыя пылью черты. Если бы у нея хватило силы, простерлась бы у его ногъ.

Какимъ величіемъ полонъ послѣдній актъ чудной оперы. Тутъ параллельно развиваются двѣ трагедіи человѣческаго сердца. Блудница и плясунья развратной Александріи дѣлается святою. Она все ветхое совлекла съ себя. Солнце пустыни и покаяніе еще безпощаднѣе этого солнца сожгли ея плоть. Все, что ласкали нечистыя жадныя руки, прошло сквозь огонь добровольной казни. Она теперь въ порывѣ къ чистѣйшему свѣту иныхъ небесъ, — тѣхъ, которыя ей указалъ Атанаэль. Если бы она проснулась опять цвѣтущей, счастливой, здоровой и любимой у себя, все это оказалось бы страшнымъ кошмаромъ, она въ ужасѣ сама ушла бы изъ капища любви, сожгла его для этой Оиванды съ затерявшимся на горячемъ утесѣ бѣлымъ, слѣпящимъ глаза монастыремъ. Она уже не принадлежитъ землѣ. Чудомъ еще душа ея прикрѣплена къ умирающему тѣлу, но уже тянется къ иному міру, вся охваченная его святымъ спокойствіемъ. Таиса стала духомъ, и вдругъ Атанаэль понялъ, что все время и тогда, когда вспомнилъ о ней въ своемъ убѣжищѣ, и въ видѣнномъ имъ снѣ среди безмолвной пустыни, и въ Александріи, на пышномъ пиру сибарита Нисіаса, и въ эту дорогу сюда — мучительную, убійственную, страдную, онъ любилъ Таису, не какъ избранницу небесъ, не какъ сестру, не для того, чтобы вернуть ее раю, а какъ женщину, какъ красавицу... Со страшною ясностью созналъ, что одинъ мигъ земной радости и раздѣленной страсти выше всего, что онъ извѣдалъ до сихъ поръ. Съ безуміемъ духовидца и аскета кидается къ ней. Молить ее вернуться къ нему, клянется ее любить,

обѣщаетъ заставить позабыть всѣ муки... Солнце долгіе годы свой жаръ передавало его сердцу, его крови, и теперь онъ вылился въ такихъ признаніяхъ, какихъ, навѣрное, она не слышала въ излюбленномъ городѣ сластолюбивой Клеопатры и изнѣженныхъ Птолемеевъ. Атанаэль проклинаетъ собственную слѣпоту, плюетъ на каждое мгновеніе своего труднаго подвига, топчетъ святыню, которой поклонялся. Любви, любви! Одной улыбки, одного поцѣлуя навѣки сомкнувшихся устъ! Она принадлежала ему, и онъ самъ святотатственной рукою засыпалъ животворный источникъ, убилъ чудное созданіе, на которое молились другіе... А пустыня кругомъ дышитъ жаромъ и грознымъ величіемъ, знойныя скалы уходятъ въ небеса, не знающія облака, даль, не вѣдающая тумана, пропадаетъ въ безконечности, сухой песокъ горитъ золотомъ... Умираютъ скрипки, струны арфы дрожатъ, какъ этотъ воздухъ, измученный зноемъ, и тихо-тихо плачутъ віолончели объ угасшей навсегда красотѣ, и только гдѣ-то, далеко-далеко, слышутся, словно во снѣ, слабыя отраженія счастливыхъ пѣсенъ Александріи... Я вышелъ изъ театра въ чадѣ. Синія небеса Кастиліи горѣли страстными звѣздами... Нервная, еще въ тоскѣ и трепетѣ пережитой роли, примадонна вскочила въ свою карету. Я, помня ея приглашеніе, сунулся было туда, но сейчасъ же откинулся назадъ. Подъ яркимъ свѣтомъ электрическаго фонаря я различилъ тамъ рядомъ съ нею... дона Лунса Маріано.

Луисъ Маріано рядомъ съ нею! Что это значитъ? Только что его представили... Вѣроятно, онъ побывалъ у нея въ слѣдующемъ антрактѣ. Но мы здѣсь условились ужинать у нашего посла? Или у Александры Порфирьевны такъ закружилась голова, что она забыла обо всемъ? Я зналъ, какъ въ Испаніи всѣ на четыре копыта распластываются передъ знаменитыми тореро, но никакъ не ожидалъ отъ свой русской. Стало больно, щемило сердце, дышалось трудно. Ревнивое чувство зависти къ самоувѣренному и красивому мяснику — вѣдь онъ все-таки мясникъ, не болѣе — вывело меня изъ обычнаго равновѣсія. И что она нашла въ немъ! Много у насъ въ Москвѣ такихъ — хоть прудъ пруди. А то не успѣла увидѣть, какъ уже побѣждена. Что за гадость! Поди, теперь объясняется онъ ей во-всю — тоже не изъ таковскихъ, чтобы терять время даромъ. Привыкъ у себя дома за все руками хвататься, думаетъ, что нивѣсть какъ осчастливить глупую иностранку. Разумѣется, глупую. Была бы умнѣе — заставила бы его походить за собою, а то — на поди! Получай всю, какъ есть, безъ остатка. Эдакая распушенность! И, какъ нарочно, мнѣ вспоминалась она такою, какою я сейчасъ видѣлъ ее въ «Тансѣ». Съ чудными плечами, высокою грудью, гелосомъ, отъ котораго въ сердцѣ вздрагиваетъ что-то, и тянется за нимъ. А еще въ этомъ голосѣ мнѣ чудились сегодня какія-то особенныя нотки. Точно она со мною говорила иначе, чѣмъ съ другими, и во мнѣ все замирало, сладко-сладко кружилась голова, и розовый туманъ застилалъ передъ глазами. Безотчетно тянуло къ жизни, къ счастью и чему-то всегда новому — будь оно хоть тысячнымъ повто-

реніемъ одного и того же. Неужели это съ ея стороны только привычка? Зачѣмъ же она дольше удержала въ своей мою руку и такъ смотрѣла на меня? Играла, что ли? Какой-то быкобоецъ и я. И къ глухой, больной ревности присоединилось оскорбленное самолюбіе. Подумаешь — мало такихъ, какъ она! Только пожелай. Очень мнѣ нужно разстраиваться изъ-за первой встрѣчной. Тутъ же, въ Мадридѣ, захочу и найду десятки, да еще куда лучше. Настоящихъ севильянокъ. Тѣ же сестры Хиральда, напримѣръ. Развѣ ее можно поставить рядомъ съ ними? У тѣхъ грація, огонь, сила. Навивная прелесть только что распустившихся лилій. А она, поди, не разъ захватана нечистыми руками. Знаю я такихъ! Сцена ихъ на все бросаетъ. Передъ каждымъ рецензентомъ подличаютъ, хотя тотъ отъ рожденія водобоязнью страдаетъ и съ кускомъ мыла не знаетъ, что ему дѣлать: нюхать его или ѣсть. И въ то же время что-то насмѣшливое мнѣ: теперь онъ рядомъ съ ней. Сорти-де-балъ отъ движенія кареты сползъ съ ея плеча — и губы около. Станетъ онъ сдерживаться, какъ же. Вретъ ей напропалую. А у той голова вертится, и она смѣется ему, точно ее щекочутъ, сама не зная, что тутъ смѣшного. Пойду къ себѣ и лягу спать. Ну, ее ко всѣмъ чертямъ, — а самъ направился къ Calle Agonal, гдѣ жилъ посланникъ. Встрѣчусь — не скажу съ нею ни слова. Точно и не знакомъ. Нѣтъ, это ужъ будетъ совсѣмъ по-дурачки. Напротивъ, обойдусь такъ, будто ничего не случилось, и я даже вовсе не замѣтилъ этого пестраго осла въ женскихъ браслетахъ и съ косичкой позади, бритаго, сверкающаго будто кокотка неприлично крупными рубинами. Воображаю, какъ она раскраснѣлась. Явится вся смятенная, растрепанная — еще бы, какая честь!

Самъ Луисъ, донъ Луисъ удостоилъ ее высочайшимъ вниманіемъ. Султанъ бросилъ ей платокъ! Всѣ онѣ однимъ миромъ мазаны. Какъ бабочка на огонь, а опалить себѣ крылья и топорщится на землѣ безобразнымъ червякомъ. Въ каждой артисткѣ сидитъ куртизанка. Не даромъ она была такъ хороша сегодня въ партіи александрійской плясуньи. Только Таиса разоряла, а донъ Луисъ самъ требуетъ, чтобы на него разорялись бабы. Какая сволочь! У подѣзда я замѣтилъ карету Александры Порфирьевны. Значить, они прямо поѣхали сюда — не катались... Мнѣ стало легче. Въ салонахъ посланника было мало народа. Князь меня встрѣтилъ: «У меня только свои!...» И на мой удивленный взглядъ по направленію къ Маріано, — «вы не знакомы?» Въ Испаніи тореро съ именемъ — желанный гость вездѣ. Это даже придаетъ извѣстный блескъ гостинымъ. А донъ Луисъ, сверхъ того, образованный человѣкъ и джентльменъ!

— Только принимаетъ подарки отъ женщинъ.

— Да, но это здѣсь въ обычаѣ. Здѣсь и въ Италіи. Вы помните еще у Боккачіо, когда Мадонна такая-то увлекалась кѣмъ-нибудь, она первымъ дѣломъ посылала къ нему старуху и кошелекъ съ цехинами. То же вы найдете у Тирсо-де-Молана, у Лопе-де-Вега. А тореро и Богъ велѣлъ.

Александра Порфирьевна, увидѣвъ меня, вспыхнула.

— Ради Христа, простите!

— За что... Въ чемъ вы провинились? — я напустилъ на себя столько равнодушія, что вся моя игра оказалась чернымъ по бѣлому.

— Я обѣщала привезти васъ.

— Развѣ? Не помню!

— Меня одно только утѣшаетъ. Вы все-таки злитесь, и это видно.

— На что?..

Она уже весело засмѣялась.

— Знаете, я не могла иначе. Тутъ для испанцевъ я все-таки иностранка. А они ко всему чужому относятся отвратительно. Ну, а донъ Луисъ — если я его запутаю...

Она замѣтила, что я поморщился.

— Всю жизнь вы провели за кулисами, а къ нашему языку еще не привыкли. Если онъ, этотъ идолъ здѣшній, будетъ за моимъ хвостомъ бѣгать, весь Мадридъ окажется въ моей гостиной.

— Смотрите, не обочтитесь.

— А что?

— Я знаю хорошо Испанію и испанцевъ. Такіе, какъ донъ Луисъ, привыкли получать задатки... Раньше, — я подчеркнулъ, — раньше онъ для васъ не пошевелитъ пальцемъ.

— Ну, это мы посмотримъ.

— Въ партіи съ нимъ — проиграете вы.

— Убирайтесь. Въ воскресенье приходите на бой быковъ. Посмотрите, какой будетъ эффектъ, когда онъ посвятитъ мнѣ перваго toro!

Я молча поклонился и отошелъ въ сторону.

Она обиженно посмотрѣла на меня и, вѣроятно, въ отместку удвоила любезность къ донъ Луису. Должно-быть, они говорили обо мнѣ. Черезъ минуту Маріано подошелъ ко мнѣ.

— Вы тоже писатель... Я радъ познакомиться съ вами. Мы нѣкоторымъ образомъ товарищи.

— Это какъ? У насъ, въ Россіи, боя быковъ нѣтъ.

— Я не о немъ. Я прежде, чѣмъ сдѣлаться тореро, перепробовалъ всѣ профессіи. Послѣ университета служилъ, но мнѣ не повезло, написалъ ученую работу «О языкѣ басковъ», меня Гуадалора отдѣлалъ такъ, что я съ отчаянія кинулся въ консерваторію. Вообразилъ себя теноромъ и былъ въ

Санъ-Фернандо въ Севильѣ освистанъ, да какъ! Не дай Богъ никому. Мой другъ Эскобаръ, теперь онъ издаетъ «la Ероса», надоумилъ меня: «Ты хорошо рассказываешь — попробуй себя въ романѣ». Я такъ и сдѣлалъ. Выпустилъ цѣлыхъ три. Но единственными покупателями моими были я и Эскобаръ. А Луисъ Альфонсо, нынче тоже пріятель, которому я преподнесъ свой экземпляръ, такъ меня отдѣлалъ въ «El Globo», что нѣкоторое время я не рѣшался показываться. А потомъ думаю, чѣмъ я хуже Лагартихо или Фраскуэло? Силы и ловкости у меня много. Другихъ такихъ красивыхъ, какъ я, на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ не найдешь, отчего бы мнѣ не заняться тавромахіей... И черезъ два года послѣ этого я сдѣлался славою Испаніи! У меня деньги, виллы, лучшія женщины... Да кстати... эта русская, донна Александра — она графиня?

— Кто вамъ сказалъ?

— Никто, но я знаю, что у васъ всѣ графини... Кто ѣздитъ за границу.

— Да, что-то въ этомъ родѣ, — солгалъ я.

— Я такъ и думаю, — одобрилъ онъ. — И потомъ она должна быть богата. Вообще «кусочекъ не вредный, дай Богъ всякому католику». Надо ея заняться.

— Вы ей посвящаете перваго быка въ воскресенье?

— Да... я обѣщалъ... Если она этого заслужить.

Я готовъ былъ его ударить, но князь, стоявшій около, засмѣялся и отвелъ меня въ сторону.

— Вы ихъ не отучите. Вѣдь это создавалось цѣлыми поколѣніями. У нихъ бой быковъ — народное торжество, а тореро — народный богатырь, герой витязь. Знаете, наше министерство иностранныхъ дѣлъ, въ гуманной заботливости своей о бѣдныхъ

быкахъ, предложило мнѣ убѣдить испанское правительство принять мѣры къ прекращенію «этого безчеловѣчнаго зрѣлища!» А я только-что былъ перемѣщенъ сюда изъ Швейцаріи, ну, я и отвѣтилъ: скорѣе добьюсь выдачи десятерыхъ Нечаевыхъ, чѣмъ спасу хоть одного быка, приведеннаго на арену. Если бы я попытался даже начать такія хлопоты, мнѣ бы немедленно пришлось уѣхать отсюда...

Послѣ ужина Александра Порфирьевна подошла ко мнѣ.

— Я васъ довезу въ отель, намъ вмѣстѣ.

— Благодарю, я самъ дойду!

Она покраснѣла, гнѣвно сверкнула на меня глазами и преувеличенно громко предложила черезъ комнату.

— Донъ Луисъ...

— A la disposicion de uste!

— Я васъ довезу сначала къ вамъ, а потомъ вернусь одна.

Онъ поклонился. Принялъ, какъ должное. Какъ-будто того онъ и ожидалъ. У меня все кипѣло.

— Желаю успѣха!

— Благодарю васъ... Постараюсь воспользо-ваться!

И какъ оскорбленная королева, Александра Порфирьевна пошла подъ руку съ Маріано.

IX.

Дома мнѣ не спалось. Распалились нервы... Я долго ходилъ изъ угла въ уголъ. Какъ мнѣ показалось это долгимъ! Потомъ я вышелъ на балконъ. Площадь «Солнечныхъ воротъ» была залита луннымъ

свѣтомъ... Съ моей высоты вся, какъ на ладони. Трамваевъ уже не оказалось. Люди бродили тихо по ея панелямъ. Слышиѣе, чѣмъ днемъ, струны гитаръ. Часто съ Буэно Ретиро возвращались молодые парочки и пѣли, точно въ цѣломъ мірѣ, кромѣ ихъ, никого не было... Одна остановилась подъ балкономъ. Я прислушался. Довольно звучный баритонъ началъ тихо-тихо:

Дай руку мнѣ скорѣе —
Ты слышишь, какъ дрожить?
То не рука, а сердце .
Рукою говорить...

Мгновеніе молчанія, и вдругъ прекрасное меццо-сопрано отвѣтило ему:

Моя рука недвижна,
И сердце ужъ молчить,
Молчить за тѣмъ, что милый
Давно въ землѣ лежитъ.

Гдѣ это я слышалъ въ первый разъ... Господи! Да вѣдь та же пѣсня всколыхнула мнѣ душу въ пальмовыхъ рощахъ Эльче, этого арабскаго города, словно чудомъ уцѣлѣвшаго въ позабывшей старыя были Испаніи... И меня вдругъ потянуло туда, подъ несравненныя небеса Мурсіи, къ тихимъ и свѣтлымъ водамъ, въ которыя глядятъ и не наглядятся бѣлыя лиліи. Какъ тамъ хорошо жилось когда-то подъ сквозною тѣнью такихъ величавыхъ пальмъ, какихъ и въ Африкѣ не найдешь теперь... Въ эту лунную ночь, что за поэтическій миражъ Эльче... Какъ серебряныя ступени — его плоскія кровли. Синія тѣни на бѣлыхъ стѣнахъ. А церкви? Да вѣдь онѣ только золотые кресты поставили на восточные купола мечетей, минареты до сихъ поръ говорятъ вамъ о великолѣпныхъ маврахъ Гренады... Должно-быть, и эти двое счастливцевъ оттуда. И

имъ луна и теплынь напомнили далекую родину... Я наклонился разсмотрѣть ихъ, но въ эту минуту подѣхала карета. Изъ нея вышла Александра Порфирьевна. Она смотрѣла на мой балконъ, но я откинулся во-время. Еще, пожалуй, вообразила бы что я ее жду, и вдругъ мнѣ съ ясностью представилось, что вѣдь именно ее я и ждалъ здѣсь... Мучился и ждалъ все это время, хотя ни за что не показался бы ей. Только недоставало разыграть въ глазахъ неблагодарную роль печальнаго вздыхателя на мадридскомъ балконѣ. Воображаю, какъ она смѣялась бы надо мной... Скоро въ ея комнатѣ послышался шумъ и голоса. Ея сестра не спала. Онѣ обѣ наклонились въ окно.

— Ты знаешь, этотъ (должно-быть, дѣло шло обо мнѣ) приревновалъ меня...

— Ну!

— Ей-Богу. Къ донъ Луису. Не понимаетъ тоже, что для меня это вопросъ карьеры. Я воображаю Лаборанти. Она теперь лопається отъ злости. Вѣдь Маріано на прошлой недѣлѣ началъ за ней ухаживать. А я его у нея изъ-подъ носу...

— Ай да мы! Знай нашихъ.

— Сами московскіе...

— Я его сейчасъ довезла домой... Умолялъ зайти къ нему... Ты знаешь, онъ очень выигрываетъ вблизи. Какіе глаза! И умѣетъ говорить. Голось нервный, вздрагивающій... Въ душу просится.

«Мерзавецъ!» — выругался я про себя...

— Ну, Санька, пора спать. Завтра вѣдь репетиція.

— Да, и послѣ я обѣщала принять донъ Луиса. Онъ у насъ завтракаетъ... Я бы позвала и нашего (очевидно, опять подразумѣвался я), да боюсь... Выкинетъ еще что-нибудь... Ну, пойдемъ...

Послышался стукъ затворившагося окна.

Я могъ опять выйти на свой мирадоръ.

Совсѣмъ синяя ночь и небо синее. Только дома на площади кажутся серебряными. Желѣзная паутина балконовъ и въ ней — никого. Все рѣже и рѣже гуляющіе внизу... Что-то есть въ этомъ воздухѣ зовущее къ любви, счастью, призванію. Какъ въ такую ночь молчать? Страшно кажется утратить чудное мгновеніе. Вѣдь оно не вернется никогда, никогда. Быть-можетъ, будутъ другія лучше, но это не повторится. И я готовъ былъ бить себя. Въ самомъ дѣлѣ, уйти въ потемки. Не отозваться на голоса! Не перекинуться изъ мирадора въ окно словами, которыя теперь жгутъ грудь. За тѣмъ окномъ, рядомъ, темно. Въ слѣдующемъ чуть брезжитъ огонекъ... Должно-быть, зажгли ночникъ. Ложатся спать. Какъ можно, когда дали такъ прозрачны, мѣсяцъ яркъ и, кажется, малѣйшій атомъ воздуха дрожить отъ желанія. Какая-то волшебная фея, пролетая надъ спящимъ городомъ съ кубкомъ неудовлетворенной страсти въ рукахъ, пролила его, и теперь, стоя здѣсь, на высотѣ, пьешь эту мучительно-блаженную страсть и не знаешь куда дѣваться съ нею... Гдѣ-то запѣлъ серено... Тихо... Какъ тихо! Слышишь бѣненіе своего сердца и дрожь безчисленныхъ струнъ... Огонекъ въ ея окнѣ погасъ. Неужели она заснула такъ просто, такъ буднично просто? Я вспомнилъ свой первый прїѣздъ сюда. Другая была со мною. Легкій призракъ чистой, какъ азалія, бѣлокурой сѣверянки точно наклонился съ балкона рядомъ со мною... Нѣтъ, не азалія. Азалія бездушна... Въ ней нѣтъ аромата — этого внутренняго выраженія мысли и сердца. Скорѣй ландышъ... Гдѣ она теперь... На далекомъ кладбищѣ лежитъ подъ снѣгомъ, еще покрывающимъ молчаливую страну. Забытый крестъ надъ ней. Только въ такія ночи, какъ эта, она выходитъ изъ

могилы и на зло годамъ и разстоянію слетаетъ ко мнѣ съ безмолвнымъ: «Ты помнишь... Не забылъ... Вѣдь я все та же и опять съ тобою»...

Х.

Лаборанти эти дни дѣйствительно сходила съ ума. Никакъ не могла понять, чѣмъ такимъ взяла русская пѣвица, которую, какъ истая итальянка, Лаборанти въ грошъ не ставила. Въ самомъ дѣлѣ, она заставила даже короля пригласить ее къ себѣ, и, какъ говорили въ Мадридѣ, Альфонсъ XII былъ у нея на другой день. Послѣ въ поздніе часы его узнавали въ таинственномъ посѣтителѣ, выходившемъ изъ ея подъѣзда, по самый носъ завернувшись въ капу. Что этотъ донъ Хуанъ былъ не простой смертный, можно было видѣть по крайней нервности и многочисленности полицейскихъ около и по тому, какъ съ нею раскланивался преторъ, встрѣчая ее на улицѣ и въ театрѣ. Сагаста, Кастеларъ, Кановасъ-дель Кастильо — всѣ они «умирали у ея ногъ», хотя она никого долго страдать не заставляла, и даже представитель строжайшихъ орденовъ Филиппинскихъ монаховъ, Пидадь, и тотъ недѣли двѣ-три былъ у нея своимъ человѣкомъ, смѣнивъ Кастелара. По отношенію къ различіямъ политическихъ партій Лаборанти была довольно безпечна. Сагасту и Кановаса она «любила» въ одно и то же время, продѣлывая, подобно другимъ женщинамъ, обычный опытъ держать въ общемъ мѣшкѣ кошку съ собакой. И вдругъ тотъ, кого ей хотѣлось пуще всего залучить къ себѣ, знаменитый espada, донъ Луисъ Маріано, который, такъ сказать, увѣнчалъ бы ея

успѣхъ въ Испаніи, увлекается этою холодною сѣвѣрною куклой съ васильковыми глазами и бѣлой, «какъ у зарѣзанной курицы», кожей. То ли дѣло она, Лаборанти. Не даромъ родилась въ Сициліи, хотя и отъ неизвѣстнаго отца, но отъ восхищавшей нѣкогда въ Палермо танцовщицы Пеццано. Лаборанти, впрочемъ, была не изъ такихъ, чтобы такъ, безъ боя, сложить оружіе. Дама на этотъ предметъ оказывалась свирѣпая и сама рассказывала, когда властелинъ итальянской оперной сцены Риккорди «не захотѣлъ ей добраго» (non volevo mi bene), она сама сцапала его гдѣ-то, привезла къ себѣ и двое сутокъ держала подъ замкомъ, пока тому не надоѣла неблагодарная роль Іосифа Прекраснаго, и онъ перешелъ на другое амплуа. Зато, послѣ, долго онъ не давалъ импрессаріямъ нѣкоторыхъ оперъ, если въ нихъ не пѣла Лаборанти. Она одѣвалась теперь великолѣпнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, когда не пѣла, показывалась въ ложѣ и такъ пучила блестящіе глаза, что вчужѣ становилось страшно. Везувій, помноженный на ея родную Этну, не далъ бы столько пламени — и въ партерѣ жертвы ея считались сотнями, и первой оказался другъ Маріано, донъ Игнасіо Хиль. Этому она живо свертѣла голову, какъ цыпленку. Maestro клаки даже пустился въ поэзію. Онъ напечаталъ стихи съ посвященіемъ прекрасной Лаборанти. Когда она пѣла, какъ перчатка выворачивался наизнанку, устраивая ей фуроры и «фанатизмы». Даже забылъ явиться за слѣдующими ему нѣсколькими тысячами песетъ.

Александра Порфирьевна, разумѣется, была выше этого и не обращала вниманія на соперницу.

И во вторникъ, и въ среду, и въ четвергъ я встрѣчалъ у нея донъ Луиса. «Слава Испаніи» была доведена до самаго высокаго давленія. Она кокетничала съ нимъ напропалую, дразнила его, какъ ни одинъ

тореро не дразнить быка. Случалось, онъ уходилъ отъ нея взбѣшенный; ругалъ всѣхъ святыхъ и въ кафе Форнось заводилъ ссоры съ незнакомыми людьми. Нѣсколько разъ я самъ былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, и моя ревность успокоилась. Я видѣлъ, что этотъ мясникъ такъ же далекъ отъ успѣха, какъ въ первый день своего знакомства съ нею.

— Ну, что вы теперь на стѣны не лѣзете? — спросила она у меня.

— Нѣтъ!

— Тоже хороши. Вообразили, что такъ сейчасъ за меня руками хвататься можно... Мнѣ нуженъ онъ для воскресенья. Послѣ этой *corrida de toros* я буду самой популярной женщиной въ Мадридѣ. Это вѣдь день рожденія королевы — и онъ перваго быка посвятить не ей, а мнѣ. Да послѣ этого и карлисты, и республиканцы, и автономисты на рукахъ меня вынесутъ съ арены. А то скажите, пожалуйста... Не видѣла я... Ужъ на то пошло если, такъ вы куда лучше!

Я поцѣловалъ ее руку и почувствовалъ, что она сама нѣсколько дольше удержала мою... А потомъ вдругъ оттолкнула меня и, вся вспыхнувъ, крикнула:

— Убирайтесь. И до воскресенья носу не показывайте!

— Это за что?

— А за то. Вы мнѣ мѣшаете! — и сейчасъ ужъ въ дѣловомъ тонѣ: — А въ наши московскія газеты вы писали ужъ обо мнѣ?

— Какъ же.

— И въ Петербургъ?

— Да. Все, что видѣлъ и слышалъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ изложилъ.

— Я вамъ свой портретъ дамъ. Устройте, чтобы его помѣстили иллюстрированные журналы. Можете?

— Нѣтъ ничего легче...

— Ну, вотъ, паинька.

Зажала мнѣ губы ладонью, дала другую и выгнала... Остановила на минуту въ дверяхъ.

— Вотъ что, въ субботу поѣдемъ вмѣстѣ на арену.

— Зачѣмъ паканунѣ?

— Мнѣ донъ Луисъ рассказывалъ, что для этого боя доставятъ какихъ-то необыкновенныхъ быковъ. Наканунѣ ихъ можно видѣть.

Въ коридорѣ я наткнулся на донъ Луиса.

— Донья Александра дома?

— Гдѣ же ей быть.

— Знаете... — и вдругъ въ припадкѣ откровенности: — Я чувствую, она меня съ ума сведетъ. Ну, что ей нужно — развѣ она найдетъ лучше меня? А вѣдь мнѣ только стоитъ захотѣть, кивну, и такая красавица, какъ Лаборанги, сама прибѣжитъ ко мнѣ.

Ужъ у себя я слышалъ рядомъ, какъ донъ Луисъ ссорился съ примадонной.

Онъ что-то выговаривалъ ей возбужденно и крикливо, говорилъ долго и много (воображаю, какіе жесты были при этомъ). Она смѣялась, потомъ ласково и тихо отвѣчала ему. У меня опять было проснулась змѣя въ груди, но я тутъ же услышалъ голосъ ея сестры. Черезъ часъ онъ ушелъ. Ко мнѣ въ стѣну постучали.

— Идите чай пить.

— Ну, что, убрался вашъ...

— Да... Не солоно хлебавши! — и улыбка торжества такъ и освѣтила ея лицо. — Ужъ слишкомъ все это у нихъ просто. До гадости.

— Онъ не виноватъ. Такъ его приучили...

Солнце уже заходило по ту сторону Puerta del Sol. На золотѣ заката совсѣмъ черные стояли дома. Въ открытыя окна вѣяло чудною вечерней прохладой, о

которой на нашемъ студеномъ сѣверѣ мы не имѣемъ никакого понятія.

— Какъ хорошо!...

Подставляла пылавшія щеки ласкѣ кастильскаго вечера. Столько нѣги было въ мягкомъ воздухѣ, столько красоты въ смягченномъ свѣтѣ. И небо, небо! Старые художники такъ любили его. Въ немъ именно рождались святыя призраки, и мерещились крылья ангеловъ.

— Хотите куда-нибудь? Ахъ, да вѣдь сегодня наша родительская суббота у нихъ, да?

— Не знаю.

— Вы увидите. Испанцы теперь поминаютъ покойниковъ. Весь Мадридъ на кладбищѣ. Поѣдемъ. Позвонила.

— Прикажете мою карету...

И черезъ нѣсколько минутъ мы свернули въ черную calle Montera.

Церкви были полны народомъ. Въ ихъ темныхъ входахъ мерещились сотни дрожащихъ огоньковъ. Въ одномъ мѣстѣ мы приостановились — надо было пропустить мимо процессію. Хоругви съ Мадонной величаво колыхались надъ толпами. Въ золотистомъ свѣтѣ сизымъ казался еиміамъ. Одѣтыя ангелами дѣти чередовались съ высокими конусообразными капюшонами братьевъ-кающихся, лица которыхъ были завѣшены. Только для глазъ прорѣзывались отверстія. За ними шли конгрегаціи, и вдругъ, въ самой мрачной изъ нихъ (черные капюшоны, бѣлые черепа на груди и подъ ними двѣ скрещенныя кости), я различилъ дона Игнасіо Хила. Увидѣвъ насъ, онъ отдѣлился и подошелъ къ коляскѣ.

— Вы, что тутъ дѣлаете? — удивился я.

— Я?... Носитель блюда.

— Какого?

— На которомъ Иродіадѣ подали голову Іоанна Крестителя.

— Позвольте, вчера вы смѣялись надъ этимъ. Я васъ считалъ свободомыслящимъ. Вы сами мнѣ объясняли, что блюдо это арабской работы и письмена на немъ арабскія.

— Да, я — свободомыслящій, но я ставлю свою кандидатуру въ кортесы. А мой околотокъ весь въ рукахъ у клерикаловъ.

И онъ побѣждалъ догонять своихъ.

Священники что-то пѣли, тонкіе, въ короткихъ курткахъ и панталонахъ съ раструбами внизу, чуло несли громадное знамя съ десятками шелковыхъ шнуровъ. Я всмотрѣлся, оказывается, ловкіе малые воспользовались процессіей и примкнули къ ней. Священная реликвія, за которую я принялъ знамя, была просто-на-просто громадною шелковою афишей ближайшаго боя быковъ. На немъ такъ и изображалось: *Los toros de Madrid... „En los días 18, 19 y 20 Feria de esta capital... Tres magníficos corridos — ganaderías seis toros della S-ra D-na Coña Fuente-fredo viuda de Concha y Sierra“* и т. д. Чуло шли совершенно серьезно, точно это такъ и слѣдуетъ, и пѣли вмѣстѣ со священниками, а позади толстый малый съ портфелемъ, и кто спрашивалъ, тому и продавалъ билеты.

— Не объявленъ ли тутъ и вашъ донъ Луисъ?

— Нѣтъ, Маріано выше этихъ рекламъ.

Монтера осталась позади. Теперь шли народные кварталы. Громадные дома кишѣли жильцами, какъ муравейники. На балконахъ, мухами, запутавшимися въ паутину, возились сотни дѣтей. Изъ оконъ вывѣшено бѣлье. Шумъ и гамъ невообразимые. Можно было подумать что происходитъ состязаніе: у кого глотка шире, и кто переоретъ другихъ. Въ гвалтъ бабы ухитрились изъ верхнихъ этажей пере-

говариваться съ знакомыми внизу, мастеровые пѣли, а на одной площади молоденькія ниньи остановили шарманку и подъ ея визгливый напѣвъ отплясывали арагонесу и севильяну. Къ нимъ подобрались было мучачи, но онѣ отогнали ихъ локтями. Не ваше дѣло-де, не суйтесь, и безъ васъ справимся. Юноши подумали-подумали и, схватившись другъ съ другомъ, давай подъ ту музыку отхватывать «мадрилену»... Широкая народная улица уперлась въ какую-то рощу. Здѣсь ужъ народъ шелъ сплошною массой, и наша коляска подвигалась шагомъ. Дорога шла вверхъ зигзагами... Обогнула мрачное и молчаливое зданіе стараго монастыря, въ амбразуры котораго давнымъ-давно не выглядывало ни одно живое лицо. На башнѣ его было пусто. Въ просвѣтахъ, точно желтыя стекла, виднѣлось небо на западъ. Колокола давно сняты, и вся эта обитель точно громадная могила. Каменный мавзолей забыть и запущенъ... Только изъ-за одной стѣны вытянулись въ неподвижный воздухъ густые траурные кипарисы.

XI.

Еще два-три поворота дороги, — и передъ нами раскинулась вершина невысокой горы, въ нѣсколько ярусовъ покрытой памятниками, монументами, капеллами самыхъ фантастическихъ формъ. Тутъ и легкіе портики Греціи, и тяжелые массивы Египта, и восточныя арки арабовъ, и готика. Оттуда гулъ. Точно на кладбище слетѣлись тысячи тысячъ шмелей и гудятъ въ тепломъ воздухѣ умирающаго дня — передъ синею уже стоящей на востокъ ночью. Хороши были кастильскія дали отсюда! Какая ме-

ланхолія лежить на этихъ глядахъ, и какъ красивъ въ розовомъ сіяніи каменный профиль Мадрида позади. Скучный городъ Филиппа II надо видѣть именно въ эти часы, на немъ задумчивая печаль, какъ на лицѣ монаха-трапписта, которому осталось только «помнить смерть», потому что врата жизни для него замкнулись. Страшно было думать, что въ городѣ, кажущемся мертвымъ и недвижимымъ, неистово шумитъ теперь толпа на Пуэрта дель Соль и въ аллеяхъ Прадо. Мимо несли сотни вѣнковъ, гирляндъ, букетовъ. Казалось, въ садахъ и поляхъ срѣзаны всѣ цвѣты, чтобы украсить ими милыя могилы. Женщины уже загодя плакали. Вонъ одна, красивая и молодая (о мертвомъ ли ей думать!), бьетъ себя въ грудь и причитаетъ совсѣмъ по-нашему. Такъ и вспоминаешь какое-нибудь деревенское кладбище съ бабой, убивающейся надъ чьей-нибудь могилой.

А вотъ и совсѣмъ на насъ не похожее: молодежь съ гитарами. Печальная пѣсня. Вглядитесь: лица грустны, каждый изъ нихъ оставилъ здѣсь, на этомъ кладбищѣ, близкое, дорогое существо... Зато доны Базилію, вѣрные традиціонному Россиніевскому типу, веселы и благополучны... Таксировали каждую молитву, всякое благословеніе могилы. Такой день, какъ сегодня, наполнить ихъ погребѣ тонкими винами, кладовыя — всякою живностью. Когда съ Александрой Порфирьевной мы шли вверхъ между двумя могилами, безчисленное множество которыхъ раскинуто по сторонамъ, сердце невольно сжималось отъ поэтической тоски далекаго юга. Почти всѣ покрыты цвѣтами. Женщины, дѣти плакали, мужчины около въ благоговѣйномъ молчаніи. Вѣтра не было, и тысячи свѣчей горѣли у изголовій надгробныхъ камней, у памятниковъ, у насыпей. Казалось, отжившія свой земной предѣлъ души на минуту вы-

глянули, вспыхнули и свѣтятся въ синихъ сумеркахъ мадридскаго вечера. Капеллы, монументы — сколько на нихъ потрачено красоты, вкуса, денегъ. Мраморъ, порфиръ, яшма подъ искуснымъ рѣзцомъ сверкали безчисленными огнями. И когда съ вершины этого Некрополя мы взглянули на склоны, къ самой долины, насъ поразило необъятное величiе. Кругомъ сверкало, сіяло, загоралось вновь... Въ морѣ свѣтляковъ, трепетавшихъ, вспыхивавшихъ пламенныхъ бабочекъ, шевелившихъ золотыми крыльями, такъ прекрасны издали казались черныя траурныя женщины, такъ трогалъ душу сплошной гулъ молитвъ, грустныхъ напѣвовъ. Ужъ не было будущаго и настоящаго. Все въ прошломъ. Жило былою радостью... Казалось, изъ-подъ земляныхъ насыпей, мраморовъ и бронзъ поднялись невидимые оплакиваемые друзья, и ихъ легкое движеніе колышетъ и раздуваетъ миллионы огоньковъ. Милліоны потому, что всякая могила горѣла десятками свѣчей, то исчезавшихъ, когда мимо проходили черныя печальныя фигуры, то снова выступавшихъ на свѣтъ. Огни и благоуханія цвѣтовъ, снесенныхъ сюда со всего Мадрида, а кругомъ прозрачная голубая пустыня, въ потемкахъ которой едва намѣчивается громадный городъ со своими замками, соборами, дворцами...

Когда мы уѣзжали, сіяющая поминальными свѣчами гора казалась волшебнымъ призракомъ въ молчаніи ночи. Тысячи жизней схоронились въ нѣдра этого призрака и только на нѣсколько часовъ выступили оттуда, изъ вѣчныхъ потемокъ, и на слезы, и пѣсни, и молитвы засіяли отвѣтнымъ пламенемъ. А рядомъ, преслѣдуя насъ, слышалась подъ звонъ гитары скорбная пѣснь юноши:

«Какъ ты была прекрасна въ ту лунную ночь, когда въ послѣдній разъ я видѣлъ твое блѣдное лицо за рѣшеткой мирадора. Счастливый и упоен-

ный стоялъ я на пустынной улицѣ и только тихимъ звономъ струнъ говорилъ тебѣ, что творится въ моемъ сердцѣ. Ты мнѣ не отвѣчала, но вспыхивали огнемъ твои большіе, печальныя глаза, и я угадывалъ, что моя тоска нашла доступъ къ твоей душѣ... Насъ видѣлъ одинъ Богъ на небесахъ да мѣсяцъ... Но мѣсяцъ зналъ, что дни твои сочтены, и потому онъ скрылся, грустный и задумчивый, за бѣлое сквозное облако... А Богъ — Ему нуженъ былъ еще ангелъ и, чтобы не поразить меня насмерть, въ безконечномъ милосердіи Онъ удалилъ меня далеко-далеко... Океаны, пустыни и горы легли между нами... Въ чужой странѣ я мечталъ о твоёмъ мірадорѣ, о блѣдномъ прекрасномъ лицѣ за его рѣшетками. Слушая шелестъ пальмъ, вдыхая незнакомый ароматъ чудныхъ невиданныхъ цвѣтовъ, думалъ о твоёмъ голосѣ, о запахѣ черныхъ волосъ. Когда я возвращался назадъ, земля горѣла подо мною, океаны удерживали меня бурями, грозили крушеніями. На пути вырастали изъ пучинъ ужасныя отвѣсы утесовъ. Словно обручальныя кольца посреди синяго океана манили въ идиллическую тишину, поросшіе яркими цвѣтами, круги коралловыхъ острововъ съ вѣчнымъ покоемъ заключенныхъ въ нихъ лазурныхъ водъ... Бѣшеный вихрь дулъ съ береговъ родины и долго не пускалъ мое суденышко въ ненадежную гавань... Волшебнымъ сномъ выросъ передъ моимъ влюбленнымъ взглядомъ бѣлый тысячебашенный Кадиксъ. Встрѣтили меня нѣжною пѣсней, но не удержали въ мечтательныхъ патіо красавицы Андалузіи и Севильи. Я миновалъ долины и сѣрры, и въ такую же лунную ночь, какъ и та, когда я простился съ тобой, пришелъ къ твоему мірадору... Я постучалъ въ него... За рѣшетками никого не было... Холодная змѣя обвила мнѣ сердце зловѣщими предчувствіями. Струны гитары

плакали, вызывая тебя... За одно слово твое я готовъ былъ разбить голову о каменные плиты твоего дома... Твоя старая мать сжалилась надо мною: «Не кличь Инесъ... Инесъ ушла навсегда... Ея нѣтъ ни здѣсь, ни гдѣ! Въ послѣдній часъ она молитвою за тебя простилась съ тобой. Чтобы ее встрѣтить, надо умереть, но Богъ одинъ знаетъ, когда пробьетъ мигъ свиданія и встрѣчи!» Инесъ, Инесъ! — въ отчаяніи кричалъ я надъ твоей могилой, и въ отвѣтъ мнѣ колыхались только огоньки, зажженные надъ плитою. — Инесъ, Инесъ!.. И надъ ея крестомъ, мнѣ казалось, рѣялъ бѣлый призракъ и говорилъ мнѣ душою душѣ... И цѣлый свѣтъ сталъ для меня пустыней, подобно безлюдному и враждебному океану... Отъ утеса къ утесу, отъ одной чуждой гавани къ другой я одолевая кипящія бѣлою пѣною волны... Когда же смерть приведетъ меня къ радостной пристани, и на ея ступеняхъ ты встрѣтишь меня?... Въ тихую лунную ночь, блѣдная красавица Инесъ... Блѣдная, съ большими грустными глазами... Невѣдомыми путями все ведетъ меня къ тебѣ, и клянусь до встрѣчи съ тобой не будетъ для меня ни улыбки, ни поцѣлуя... Инесъ, Инесъ!..»

Дома Александру Порфирьевну ждала записка.

Она прочла ее, вспыхнула и показала мнѣ.

— Прочтите, каковъ донъ Луисъ!

«Завтра я жду васъ обѣдать. Я знаю, вы не поете и свободны. Мы будемъ одни... одни... У вашихъ ногъ я скажу вамъ все, что чувствую. Любая наша герцогиня позавидуетъ вамъ... Пусть подъ моимъ горячимъ дыханіемъ растаетъ вашъ сѣверный ледъ. Мои комнаты будутъ полны розъ, онѣ всю ночь вздыхаютъ о счастіи нашей встрѣчи»...

— Каковъ?

Она тяжело дышала, негодование загло ея васьильковые глаза, и они горѣли синимъ огнемъ...

— Этого надо было ждать. Что вы отвѣтите?

— Что онъ дуракъ и нахаль!.. Впрочемъ...

И на мой вопросительный взглядъ:

— Пока нельзя. Помолчу... Завтра скажусь больною. Пусть думаетъ, что у меня мигрень. Послѣ воскресенья, когда онъ выполнить свое обѣщаніе, я прогоню его. Тогда онъ ужъ будетъ мнѣ не нуженъ. А пока надо терпѣть!

— Не дешево вамъ стоитъ карьера!

— Такъ у всѣхъ. Прежде чѣмъ сдѣлаешь большое имя на сценѣ, надо пройти черезъ такое!.. Когда-нибудь я расскажу вамъ все. Подивитесь, сколько голубиной кротости и змѣиной мудрости надо для этого!

— Стоитъ ли?

— Въ сценѣ нѣтъ жизни... Что другое остается для женщины? Быть женою, матерью? Это все служебное. А я рождена не для вторыхъ ролей. Я примадонна по природѣ...

ХП.

Мадридъ въ этотъ день точно взбѣсился. Вчера я заснулъ, открывъ двери на площадь. Было тепло. Казалось, черезъ безчисленныя сіерры Севилья наполнила воздухъ этого ближайшаго къ небу города нѣгой и ароматомъ. Въ лунномъ свѣтѣ таинственно и причудливо рисовались на сѣверѣ вершины Гвадарамы. Не хотѣлось заператься. А тутъ въ самый ранній часъ меня такъ и подняло съ постели. Пуэрта даже не шумѣла просто, а гремѣла. Розоватый свѣтъ заливалъ ее, на блѣдномъ небѣ, точно застывшія золотыя волны, стояли облака. Народъ кишмя кишѣлъ

въ совѣтъ необычное время. Изъ гула криковъ, говора, гвалта до меня доносилось: „Sol-Ombra“, „La Lidia“, „El Torero“... и тысячи другихъ восклицаній. Вслушиваясь, я понялъ, продавались билеты на сегодняшнюю «corrida de toros», номера журналовъ, посвященные исключительно бою быковъ, портреты матодоровъ, ихъ жизнеописаніе, афиши и, разумѣется, неизбѣжныя въ Испаніи вездѣ, всегда и при всѣхъ условіяхъ лотереи... Это оживленіе южной толпы, я бы даже сказалъ: ея восторженное и говорливое ожиданіе (она молчитъ только въ трагическія минуты — и тогда ея безмолвіе грозно и ужасно) помѣшало мнѣ запереться и заснуть снова, хотя было только четыре часа. Я одѣлся и вышелъ. Внизу, казалось, море подхватило меня и понесло куда-то съ собою. Билетомъ я запасся ранѣе, какъ истинный „aficionado“ на самомъ „barrera“, т.-е. у ограды, отдѣляющей зрителя отъ арены, гдѣ совершается самое побойное, и, разумѣется, въ тѣни. Заботиться мнѣ было не о чемъ. Я могъ отдаться этой взволнованной стихіи, жить ея настроеніемъ. Толпа меня перебрасывала съ одной стороны площади на другую. Вездѣ толковали о сегодняшнемъ торжествѣ. Имена Маріано и Касадо (второго тореро) у всѣхъ на устахъ. Въ этотъ день они были народными героями. Забыты и случившееся вчера паденіе министерства, и обнаруженное нескромною печатью воровство восьмидесяти милліоновъ народныхъ денегъ, совершенное дворомъ, и попытки Англіи купить у податливой королевы-регентши, продающей Испанію оптомъ и въ розницу, Балкарскіе острова, и дуэль герцога Медина Сидонія съ заѣзжимъ принцемъ. Все ступшествовало передъ гигантскимъ событіемъ этого воскресенья, когда шесть великолѣпныхъ, доставленныхъ изъ Севильи андалузскихъ быковъ, воспитанныхъ для боя (toros bravos)

въ первоклассныхъ загонахъ маркиза Гандулль, должны будутъ пасть подъ шпагами народныхъ героевъ. Загодя люди были возбуждены. Даже нищие, и тѣ выпрашивали сегодня «на билетъ». Они тоже собирались проковылять туда вмѣстѣ съ толпою. Спокойные, славящіеся своей *mucha fleta*, кастильцы жестикулировали, спорили, пѣтухами набрасывались одни на другихъ. Горячились по малѣйшему поводу. Съ налитыми кровью глазами показывали различные, оставшіеся въ народной памяти удары знаменитыхъ Фраскуэло и Лагартихо. Расходились и снова сходились, призывали всѣхъ чертей и Мадонну, ругались и чуть не плакали въ одно и то же время. Пьянѣли отъ крика, швыряли куда-то плоскодонныя низенькія съ инициалами и плоскими полями шляпы, подымали кулаки въ воздухъ, приходили въ отчаяніе, умирали и снова воскресали. Я слышалъ фамилію Александры Порфирьевны. Ее повторяли всѣ.

Толпа уже хорошо знала, что Маріано перваго быка посвящаетъ ей. Газеты проболтались объ этомъ и, кстати, напечатали ея портреты. Я мысленно подсчитывалъ, во что это обошлось артисткѣ. Въдь сегодня же редакціи пошлютъ ей счета, гдѣ будетъ таксировано мѣсто, занятое ея портретомъ, и красочный восторгъ авторовъ ея біографій. Передъ нашимъ стелемъ стояли досужіе люди. Они хотѣли сдѣлать овацію «прекрасной блондинкѣ съ бюстомъ богини и глазами убійцы», когда та покажется у себя въ окнѣ. Я всмотрѣлся въ нихъ и узналъ вчерашній своеобразный «оркестръ» дона Игнасіо Хилья. Это была та же клака, дѣлавшая овацію по заказу, хорошо срепетованную и обдуманную ея геніальнымъ *jefe*! Видно было, что моя соотечественница рѣшила забыть на сегодня свое московское: «подешевше!»

Носила-носила меня толпа и выкинула, наконецъ, на Calle Alcala — этотъ Невскій Мадрида. Я только сейчасъ вспомнилъ, что еще не пилъ кофе. Передо мною были громадныя зеркальныя окна, за которыми всё столики уже занимались торопившимися людьми. Подходили, наскоро глотали, не прекращая возбужденнаго спора, свою чашку и опять выбирались на громадную и шумную улицу, обставленную такими домами, о которыхъ долго еще придется только мечтать Петербургу! Кафе, куда зашелъ я, было особенно въ модѣ. Его называли «рынкомъ невѣстъ». Предпримчивый хозяинъ замѣнилъ мужскую прислугу женской, пригласивъ бѣдныхъ дѣвушекъ, окончившихъ гимназію и выросшихъ въ почтенныхъ семьяхъ. Поведеніе этихъ, въ большинствѣ хорошенькихъ мадриленокъ было безукоризненно. Даже здѣшніе сплетники не смѣли ничего сказать о нихъ. Мамаши приводили сюда ихъ каждое утро и каждый вечеръ являлись къ дверямъ, для того, чтобы вернуть усталую «невѣсту» къ ея родному очагу подъ своимъ конвоемъ. У каждой былъ «повіо» — женихъ, и она разговаривала только съ нимъ и даже не разговаривала, а роняла, опутивъ длинныя черныя рѣсницы на блѣдныя щеки, два слова, отъ которыхъ онъ вспыхивалъ, какъ порохъ, и отходилъ. Все, что она получала шло на ея приданое. Никто изъ посѣщавшей кафе молодежи не смѣлъ позволить съ ними ни нескромнаго жеста, ни вольнаго слова. Это были дѣвушки «*my nobles muy bonitas*», а слѣдовательно, обращаться съ ними полагалось, какъ съ герцогнями. Зато сотни взглядовъ, горѣвшихъ страстью и увлеченіемъ, были на нихъ устремлены цѣлый день. Бѣдныя, нѣжныя невѣсты худѣли и сами томились въ горячей атмосферѣ влюбленности, невысказанныхъ желаній и безмолвныхъ признаній. Если кто-нибудь изъ непосвященныхъ, большею ча-

стью приѣзжихъ, позволялъ себѣ съ ними «шутку» не особенно почтительнаго свойства или слишкомъ явно высказывалъ свой восторгъ, публика орала на него «que barbaridad!», называла его невѣжей и выгоняла вошь. Но сегодня и это высоконравственное учрежденіе было неузнаваемо. «Дѣвушки» возбужденно болтали и жестикулировали уже не только съ новіями, но и съ посторонними. Вѣдь и онѣ собирались на corrida, такъ какъ хозяинъ заявилъ, что на пять часовъ любимаго народнаго зрѣлища онъ запираетъ свой «домъ». Невѣсты въ яркихъ платьяхъ (на сегодня весь Мадридъ измѣнилъ черному цвѣту!), смуглыя головки и тонкія плечики были прикрыты сквознымъ кружевомъ мантилій, а въ смольныхъ волосахъ алѣли пышныя розы. Вѣера работали всюду. Вѣеръ въ такихъ случаяхъ — внѣшній истолкователь настроенія. Слова передаютъ мысль, а вѣеръ — настроеніе. По его колыбанію, шелесту, щелканію, съ какимъ онъ въ нервной рукѣ свертывался и развертывался, можно было читать бурю, кипѣвшую въ взволнованной душѣ по обыкновенію сумрачной и молчаливой дѣвушки. Негодовали даже на Маріано. Что въ Мадридѣ мало своихъ красавицъ: «guapas e formosas?» Слѣдовало бы ихъ осчастливить, а не выбирать для этого какую-то иностранку! И тутъ всѣ говорили объ Александрѣ Порфирьевичѣ и по пути смѣялись надъ Лаборанти. Когда я вышелъ, Алкала была полна толпами молодежи, шеголявшей ради сегодняшняго дня въ новомодномъ костюмѣ «чуло». Приказчики, работники такъ или иначе нарядились всѣ для воскреснаго боя быковъ. Для этого надо быть сложеннымъ, какъ сложены испанцы. Напялить это на какіе-нибудь несуразные животы будетъ смѣшно, и только. Стройная талія, открытая грудь, обтягивающая станъ куртка и широкія, собранныя у щи-

колотки, шаровары показывали, что называется, товаръ лицомъ. Къ полудню по улицамъ коляски съ красавицами, торопившимися на арену. Нѣкоторыя щеголяли наряднымъ платьемъ, всѣ были въ сеѣтныхъ цвѣтахъ и въ мантильяхъ — и, Боже мой, какъ выиграла головки, которыя въ будни уродуютъ парижскія шляпы! Толпа настрѣчу имъ кричала «vive!» А когда вдали показались тореро, въ расшитыхъ серебромъ и золотомъ курткахъ, верхами, а нѣкоторые въ открытыхъ экипажахъ, этихъ будущихъ триумфаторовъ понесли чуть не на плечахъ. Они хранили гордый видъ, какъ это и подобаетъ героямъ дня, зато хорошенькія головки мадриленокъ привѣтливо кивали, пересмѣивались съ молодыми людьми, подхватывали на лету цвѣты, которые имъ кидали въ коляски.

Свѣтлое, праздничное, радостное настроеніе шло, все болѣе подымаясь и подымаясь. Скоро показались коляски аристократіи. Народъ аплодировалъ знаменитымъ гербамъ, значущимся на многихъ страницахъ испанской исторіи. Вслухъ называли герцогинь, принцессъ, графинь. Этими не швыряли цвѣтовъ, но передъ тѣми, за кѣмъ былъ признанъ гораздо высшій титулъ красавицы, незнакомые люди приподымали шляпы. И дѣйствительно, часто можно было подумать, что въ открытыхъ экипажахъ не дамы, а букеты розъ, такъ были хороши эти головки, привѣтливо улыбавшіяся восторженнымъ зрителямъ. Крики и аплодисменты разразились настоящимъ пожарищемъ, когда въ сплошную толпу на Алкаль врѣзывались коляски, запряженные по старо-кастильскому обычаю мулами, украшенными букетами и лентами. Мулы гремѣли тысячами бубенчиковъ, пестрые кучера щелкали вверху бичами, быстрые запате бѣжали впереди, выкрикивая что-то неясное, сливавшееся съ общимъ гуломъ... Такія упряжки цу-

гомъ, точно нитка въ ушко, плотно пронизываются въ массу неуспѣвающихъ посторониться людей, на что здѣсь никто въ претензіи не бываетъ. Небо очистилось, и бездонная святая лазурь его, точно со всѣмъ здѣсь, внизу, радуясь, сіяла надъ проснувшейся отъ спячки страной. Деревья на Прадо въ пышной зелени, въ счастливомъ блескѣ великолѣпнаго дня. Фонтаны Цибелы вскидывали въ высоту стремительно и шумно брильянтовую подъ солнцемъ воду, и бѣлая богиня, казалось, тоже улыбается своему народу... Далѣе всѣ эти Прадо, Буэнъ Ретино, обыкновенно такіе мечтательно тихіе и задумчивые, теперь нѣжно окутывали благодатною тѣнью пѣшеходовъ, стремившихся мимо... Дилижансы, omnibuses со всѣхъ сторонъ неслись сюда же, точно корабли въ бурю, качаясь въ шумныхъ толпахъ... Можно было подумать, что сегодня дома никто не остался. Сотни тысячъ наполнили эти аллеи, и другія сотни тысячъ текли сюда по Монтерѣ, Херонимо, Ареналю, Алкалѣ и другимъ улицамъ изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ Мадрида. Оставленные безъ призора квартиры, магазины, банки уцѣлѣли только потому, что почтенное, пользующееся здѣсь правомъ гражданства братство Ринконетовъ и Кортадилльо, этихъ классическихъ испанскихъ воровъ, прославленныхъ еще Сервантесомъ, сегодня тоже праздновало и, какъ всѣ честно и доблестно потрудившіеся въ шесть будничныхъ дней ихъ сограждане, шли на общее торжество. Когда одного изъ мадридскихъ рыцарей «кошелька или жизни» обвиняли въ кражѣ брильянтовъ у ювелира англичанина, случившейся въ воскресенье, воръ съ негодованіемъ отвѣтилъ: «Какой же уважающій себя кастилецъ добрыхъ нравовъ и стараго христіанскаго рода будетъ *работать* въ воскресенье, когда всѣ порядочные люди сидятъ на ступеняхъ

арены, любуясь боемъ быковъ. Въ такіе дни хорошій испанскій обычай можетъ нарушить только гнусный иностранецъ!» Что и подтвердилось потомъ обстоятельствами этого дѣла.

ХІІІ.

На окраинѣ города, среди пустырей, показался круглый, зубчатый, изъ красныхъ камней сложенный колизей. Люди бѣжали къ многочисленнымъ воротамъ, въ которыхъ уже стояла конная и пѣшая стража. Еще до открытія спектакля было далеко, но здѣсь любители приходятъ загодя. Надо увидѣть всѣхъ пріѣжающихъ, пожать руку хоть какому-нибудь пикадору или бандерильеро, потому что Маріано и Касадо сегодня идолы и изъ своихъ колясокъ ни на кого не смотрятъ. Вѣдь не пришло бы въ голову древнему греку протянуть руку мраморному Зевсу въ торжественный часъ священнодѣйствія! Да Зевсъ, какъ и Касадо, даже и не замѣтилъ бы такого кощунства. Величественные пикадоры подѣзжаютъ, совсѣмъ одѣтые по ритуалу. Они на высокихъ сѣдлахъ, ноги въ желѣзныхъ сапогахъ — никакой роги не пробѣетъ. Носки вдвинуты въ чудовищныя стремяна... Мальчишки карабкаются къ нимъ. Хоть пальцемъ дотронуться до «сагоче» (копій), которыя тѣ держатъ въ рукахъ... Улыбнется пикадоръ малышу, и малышъ на цѣлую недѣлю счастливъ; ему есть о чемъ рассказывать дома, на улицѣ, въ школѣ, потому что съ той поры, какъ ребенокъ начинаетъ говорить, онъ уже знаетъ, что такое пикадоръ.

Я сталъ тоже въ воротахъ «моего» отдѣленія. Въ билетахъ указано, черезъ какія ворота вамъ входить, и потому никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Мимо двигались сотни людей. Кто попроще, по стародавнему обычаю, несъ съ собою бутылки съ мансанилей, которая разопьется здѣсь же въ честь «побѣдителя» — быка или тореро, все равно. У другихъ боковые карманы переполнены сигарами *puros*, какъ для себя, такъ и для того, чтобы бросать ихъ на арену поправившемуся «*diestro*». Женщины шли съ большими букетами цвѣтовъ, пряча въ нихъ распетый и благоуханный холодокъ разгоряченныя лица. Всѣ *aficionados* — «свои люди» покупали разграфленные листы съ отмѣтками наверху. Сюда записывались удары того или другого характера, удачные и неудачные, со всѣми отмѣтками, строго указанными въ «сводѣ законовъ тавромахiи». Подъ высокими и величавыми арками наружной галлерей арены стоялъ стихійный шумъ. Можно было думать, что громадная рѣка прорвала плотины и въ нѣсколькихъ мѣстахъ льется сюда грозными водами, торжествующими свое освобожденiе отъ нагроможденныхъ человѣкомъ оковъ. Скоро она задила все здѣсь. Обычная сдержанность кастильцевъ была брошена, какъ негодная дрянь, въ сторону. Незнакомые заговаривали другъ съ другомъ, съ дѣвушками, разница сословiй и положенiй исчезла. Передъ этимъ народнымъ праздникомъ всѣ оказались равны. Славныя, счастливыя лица. Я думаю, если бы Сервера разбилъ весь американскiй флотъ и отстоялъ Кубу, народъ не такъ бы ликовалъ, какъ сегодня. Обмѣнивались сплетнями, какъ поклонами. Нищiй хлопалъ по плечамъ герцога, рабочiй — миллионера-фабриканта, маленькая портниха, вся въ румянахъ, смѣло обращалась къ строгой дуэньѣ изъ высокопоставленной семьи. Изъ одного и того же стакана

пили вино и брезгливый членъ мѣстнаго жокей-клуба и потный ремесленникъ, отказывавшій себѣ всю недѣлю въ лишнемъ кускѣ хлѣба, чтобы попасть сюда. Когда вдали послышались неистовые крики, я выбѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Въ открытой коляскѣ, торжествующая и радостная, ѣхала Александра Порфирьевна. Она сумѣла закутать голову бѣлой сквозной мантильей и на открытыя плечи накинуть филиппинскую шаль, расшитую цвѣтами, которую носятъ здѣшнія «*manolas*» и «*majas*». Это испанцевъ привело въ еще большій восторгъ. Съ нею была сестра, скромная, никогда не заслонявшая артистку... На лицѣ у нашей москвички такъ и читалось: «Ай, да мы! Знай нашихъ. Сторопись народъ, Таганка съ Рогожской вышла!..» Она такъ и лучилась вся, кланяясь вправо и влево. Юлій Цезарь на своемъ триумфѣ, послѣ Гальскаго похода, могъ бы позавидовать этой «*triple lijejo*», какъ испанцы именуютъ колоратурное сопрано. Она замѣтила меня и улыбнулась на мою приподнятую шляпу по-королевски. Миѣ такъ и припомнилось Поприщенское: «Сегодня день величайшаго торжества: въ Испаніи есть король, и король этотъ — я!» Не успѣлъ я еще раскланяться съ Александрой Порфирьевной, какъ къ тому же входу подкатила Лаборанти. Я долженъ былъ отдать справедливость ей. Она вовсе не смотрѣла проигравшей игру. Точно и не начинала ея. Веселая, тоже вся въ свѣтломъ, и, главное, на ней весь костюмъ былъ испанскій народный, коротенькая юбочка, отдѣланная сѣткой съ помпонами, шитое золотомъ фигаро, широкій шелковый поясъ и тонкая, какъ паутина, мантилья. Это шло ей удивительно. Ея южный типъ, какъ нельзя болѣе подходилъ къ наряду, стройныя и правильныя ноги въ ажурныхъ чулкахъ дразнили взглядъ, а на выѣздъ она не поскупилась.

Коляска примадонны была запряжена по андалузски цугомъ. Тысячи бантиковъ вплетались въ гриву, въ хвосты коней, сбруя звенѣла массой серебряныхъ колокольчиковъ... «У нея есть мужество!» хвалили ее завсегдатаи боя быковъ. Въ воротахъ она встрѣтилась съ Александрой Порфирьевной. Двѣ соперницы такъ сладко и радостно улыбались одна другой, такъ крѣпко и долго жали руки, что я невольно сообразилъ: «Съ какимъ бы удовольствіемъ на мѣстѣ и мгновенно онѣ откусили бы носы одна другой». Александра Порфирьевна, та, все-таки, не чувствовала въ душѣ настоящей злобы, даже въ эту минуту, пожалуй, любила Лаборанти. Еще бы, вѣдь она, Александра Порфирьевна, была побѣдительницей, а синьора Лаборанти — побѣжденной.

— Я пріѣхала полюбоваться на ваше торжество!
— великодушничала итальянка.

— Какое? — притворялась наша москвичка непонимающей.

Та замялась.

— Донъ Луисъ вчера у меня обѣдалъ и все мнѣ рассказалъ.

— Ахъ, это такіе пустяки!

— Ну, нѣтъ, знаете, въ нашей карьерѣ... Это большой козырь...

И Лаборанти вдругъ обняла и поцѣловала Александру Порфирьевну...

Почему-то мнѣ вспомнилось: «Не лобзаніемъ ли предаешь мя, Іуда?»

Я хорошо зналъ мадридскую арену.

Высокими, полными народа галлерееми я едва-едва пробрался въ *capilla*. Въ каждомъ испанскомъ «колизеѣ» для быковъ, — колизеѣ, потому что здѣсь иначе и не хотятъ называть эти монументальныя постройки, оставленныя Римомъ въ наслѣдіе его вѣрной Иберіи, — есть часовня. Она устроена внизу, около тѣхъ воротъ, сквозь которыя квадрилья, т.-е., блестящая труппа матадоровъ, выходитъ на роковой кругъ. Въ часовнѣ — дѣйствующія лица, начиная съ тореро и кончая послѣднимъ чулосомъ, жарко и горячо молятся передъ боемъ. Я зналъ, что всѣхъ ихъ найду тамъ, и тихо постучался въ двери. Онѣ пріотворились, служба хотѣлъ было ихъ припереть, да я во-время показалъ ему «дура» (пять песетъ). Ни одна лакейская душа въ гордой Кастиліи не можетъ устоять противу такого паспарту, и я вошелъ въ полумракъ обширнаго подъ высокимъ сводомъ каземата съ голыми стѣнами... Окно вверху, и оттуда золотой теплый свѣтъ широко ложится на яркія эмали и серебро алтаря передъ образомъ Аточской Божіей Матери. Тутъ было прохладно. Алтарь такъ и горѣлъ въ сумеркахъ, а ликъ Пречистой, казалось, выступалъ изъ блестящей рамы. Между нею и собравшимся здѣсь народомъ на серебряномъ цоколѣ стояло изображеніе той же Дѣвы, но уже вырѣзанное изъ дерева и одѣтое въ пышно расшитую золотомъ парчу. Марія держала младенца Іисуса на рукахъ, точно подавала его склонившимъ колѣна *diestros*. Они всѣ были здѣсь. Я сейчасъ же узналъ своего любимца Касадо, свободнаго мыслителя донъ Луиса Маріано, бандарильеро, пикадоровъ, чулосовъ... На меня никто не обратилъ вниманія. Слишкомъ ушли въ молитву. Ожидавшій

ихъ бой — не шутка. Это игра, но игра со смертью, и если римскіе гладіаторы передъ зрѣлищемъ приносили жертвы богамъ, то и донъ Лунсъ и Касадо со своими квалдрильями, несомѣнно, теперь давали всевозможные обѣты, умоляя о небесномъ благословеніи на предстоящее дѣло... Я видѣлъ тореро въ такія минуты крестами лежащихъ на плитахъ капилли, а ихъ любовницъ, плачущихъ передъ Мадонной... Еще бы, на моихъ глазахъ были растерзаны рогами быка Падилья, Домингесъ, Караанча. На страшную высоту взброшенъ и тѣми же рогами подхваченъ, такъ что они проткнули ему животъ чуть не насквозь, Рафаэлито. Выкинутъ изъ сѣдла пикадоръ Сеньосъ, разбившій себѣ черепъ о барьеръ арены. Блѣдныя уста шептали. Касадо цѣловалъ край парчеваго платья Богородицы, донъ Лунсъ прижался лбомъ къ ея пьедесталу... Какъ вошелъ, такъ я и вышелъ незамѣченнымъ... Около былъ другой казематъ, тамъ стояли кровати, носилки, и находилось все, что необходимо для операцій. Тутъ постоянно во время боя хирургъ, и вовсе ужъ не такъ рѣдко ему приходилось зашивать разорванныхъ и подавать первую помощь жестоко ушибленнымъ людямъ...

Я зналъ свое мѣсто на каменныхъ ступеняхъ barrera. Я былъ весь въ тѣни, зато противоположную сторону за ареной такъ и жгло солнце. Вся plaza de toros уже полна. До начала нѣсколько минутъ... Тутъ собралось не менѣе пятнадцати тысячъ зрителей — на половину женщинъ и дѣтей. Нервно ходили въ рукахъ пестрые вѣера. Казалось, что откуда-то слетались сюда безчисленные рои ярко оперенныхъ птицъ и, уцѣпившись за что попало, быстро-быстро колышутъ крыльями. Возбужденный, опьяняющій гулъ носился кругомъ. Самыхъ равнодушныхъ приподымало ожиданіе страшнаго,

неожиданного, опаснаго... Глаза горѣли, груди дышали высоко. Громадная толпа была неописуема... Всѣ сидѣли на мѣстахъ, а между тѣмъ стихійное движеніе чувствовалось, и вы угадывали: ни въ чьей душѣ въ эти минуты нѣтъ покоя... Пестрые шелковые платки женщинъ, ихъ мантильи, цвѣты, ярко горящіе глаза, крики продавцовъ воды, апельсиновъ, сушеныхъ раковыхъ шеекъ, миндаля, сладкаго гороха, шоколада, асукарильо — зазывы газетчиковъ, сбывавшихъ послѣдніе нумера изданій, посвященныхъ бою быковъ, веселый смѣхъ дѣтей, сотнями набравшихся вездѣ, куда только они могли просунуть кудрявыя головки, глазастыхъ, румяныхъ, шопоть красивой манолы рядомъ, ссора двухъ завсегдатаевъ, поклонниковъ разныхъ тореро, сизые дымки сигаръ, щелканье кастаньетъ — все это кружило вихремъ. На первыхъ порахъ трудно было прійти въ себя, и только надъ ареной чистое, знойное небо оставалось такимъ же безмятежнымъ, прекраснымъ и равнодушнымъ ко всему, что творится на грѣшной, суетливой землѣ, подъ его святою лазурью.

Я оглянулся... Вонъ ложа Александры Порфирьевны. Она сѣла на виду. Какъ разъ надо мной... Шаговъ сорокъ дальше — ложа ея соперницы, Лаборанти. Та держится скромно, въ глубинѣ. Ей не зачѣмъ выставляться. Сегодня она не играетъ никакой роли. Я всматривался въ ея смуглое лицо, и оно мнѣ начинаетъ казаться милымъ. Въ самомъ дѣлѣ, или она хорошо владѣетъ собой, или дѣйствительно благородная женщина, чужда и злобѣ и зависти. Насколько выигрываетъ она, настолько проигрываетъ наша соотечественница — стараніемъ обратить на себя общее вниманіе, подать себя на ладони этой и безъ того уже настроенной публикѣ. Вонъ королевская ложа. Какіе-то

инфанты явились и сѣли по сторонамъ. Ожидаютъ регентшу съ сыномъ. Придворные столпились у дверей и заглядываютъ туда, не пріѣхала ли ея величество. Напротивъ, черезъ арену, муниципальная ложъ съ отцами города въ черныхъ шляпахъ, въ шарфахъ національныхъ цвѣтовъ. Все «общество» Мадрида здѣсь. Бальный костюмъ для дамъ обязателенъ, и я люблю удивительными плечами, руками и шеями. А какія великолѣпныя головки! Герцогиня Монтихо, ставшая потомъ императрицей французовъ, — только общій типъ. Такихъ здѣсь много. Каждая коррида выставка красоты. Въ Севильѣ еще болѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ все-таки много пришлого, сѣвернаго, грубаго или кажущагося такимъ рядомъ съ чистокровными испанками. Чу! Что-то случилось... Въ муниципальной ложѣ отцы города сняли шляпы, музыка заиграла королевскій маршъ... Въ царской ложѣ показалась ея величество... Публика зааплодировала было, вдругъ точно рукоплесканія ножомъ обрѣзало. Смолкло. Лица нахмурились. Всѣ недовольны.

— Что случилось?... — спрашиваю.

Гдѣ-то засвистали... Зашикали... Гулъ негодованія прокатился по аренѣ.

— Развѣ на видите? Эта австріячка опять пріѣхала въ черномъ платьѣ. Она какъ будто плюетъ на наши обычаи... — И говорившій вдругъ вытащилъ изъ кармана ключъ и такъ свистнулъ, что я вздрогнулъ.

Королева притворялась, что не замѣчаетъ этого. Она улыбалась, разговаривая съ Кастеларомъ... Донъ Эмиліо, любившій ее, какъ женщину, наклонился къ ней и весь блѣдный шепталъ что-то. Я въ бинокль замѣтилъ, что Марія-Христина плохо владеетъ собою. Губы ея нервно вздрагивали, руки рвали что-то бѣлое, должно-быть, платокъ. Она

сказала нѣсколько словъ хорошенькой дѣвушкѣ около. Донна Евлалія тотчасъ пересѣла впередъ, и мадридскій плебсъ успокоился. Инфанта была одѣта, какъ полагается, и смѣло смотрѣла на тысячеголового звѣря, оцетинившагося было на королевскую ложу.

— Королева-мать погубила Испанію... Она ограбила насъ... И при всякомъ случаѣ даетъ намъ чувствовать, что мы ей чужды, странны, смѣшны... Она довела насъ до позорнаго мира съ Америкой... Мы забыли, наконецъ, что имѣемъ дѣло съ дамой. А это много! — счелъ нужнымъ оправдаться передо мною только-что свиставшій сосѣдъ.

Потомъ, точно вспомнивъ, что мы не знакомы, онъ предложилъ мнѣ папиросу. Въ Испаніи это считается представленіемъ. Послѣ вы разговариваете, будто чуть не каждый день видитесь съ «первымъ встрѣчнымъ». Но вотъ, какъ по сигналу, крикливые и нетерпѣливые люди замерли. На аренѣ тихо, и только музыка продолжала играть что-то никому ненужное и вовсе никого не интересовавшее... Изъ арки напротивъ два альгвазила верхами, въ средневѣковыхъ черныхъ мантияхъ и черныхъ беретахъ. Они, медленно объѣхавъ кругъ арены, приблизились къ «президентѣ», т.-е. ложѣ, занятой «отцами города», приподняли береты... Толстый, въ трехцвѣтномъ шарфѣ, пузырь, старавшійся быть въ эту минуту величественнымъ, ибо онъ представлялъ собою весь этотъ Мадридъ, «ближайшій къ небу», всталъ и швырнулъ всадникамъ ключи... Альгвазилы поймали ихъ на лету, накрылись и двинулись къ воротамъ, замыкавшимъ входъ арены. Плебсъ острилъ на ихъ счетъ. Тутъ до такой степени ненавидятъ полицію, что даже этихъ дѣйствующихъ лицъ квадрильи, только сохранившихъ

старое названіе, съ «солпечной» стороны встрѣтили залпомъ апельсиновыхъ корокъ. Слуги бросились и подобрали ихъ. На такой коркѣ легко споткнуться... Минута ожиданія — и вдругъ арена разомкнулась... Въ разрывѣ ея, точно миражъ, показалось яркое, пестрое, южно-красивое, т.-е. не скромное, а наглое, ликующее цвѣтами, золотомъ, освѣщеніемъ, выставляющееся لنا показъ, требующее удивленія и восторга.

Сколько разъ я ни видѣлъ этого перваго явленія испанской народной трагедіи, оно всегда дѣйствовало на меня непобѣдимо. Нужно здѣшнее солнце, небо, необходимы десятка полтора тысячъ зрителей, вдругъ выхваченныхъ изъ дѣйствительности и унесенныхъ въ царство сказокъ, вся рамка пышной арены, живущая преувеличенно, нервно, такъ и сгорающая жаждой неожиданнаго, чтобы представить себѣ эту единственную въ мірѣ феерію. Безчисленные паличные скамьи, идущія снизу, Богъ знаетъ, на который этажъ, гдѣ онѣ, точно живой гирляндой, очерчены сплошной линіей ложъ, заняты народомъ, такъ что ни одного пробѣла, пятна, пустого мѣста нѣтъ въ этомъ широкомъ кольцѣ, верхній рубецъ котораго ярко вырѣзывается на небесной лазурн. Десятки тысячъ глазъ устремлены на одно, на эти ворота, изъ которыхъ стройно на пустой желтый кругъ арены идутъ теперь, сверкая золотомъ, серебромъ, камнями, красавцы знаменитой квалдрильи... Именно красавцы! Впереди, далеко впереди, выѣхали и стали по сторонамъ черные альгвазилы. Донъ Луисъ былъ въ зеленомъ съ золотомъ, Касадо — въ розовомъ съ серебромъ. Оба идеально сложенные, щеголяющіе туго затянутыми формами. Движенія ихъ смѣлы, свободны, легки... Костюмъ способенъ вскружить голову непривычному

художнику-колористу. Сколько на немъ эффектовъ, освѣщенія, переливовъ, тоновъ. Шитые золотомъ и серебромъ плащи накинута на широкія плечи небрежно и, точно чудомъ, держатся на нихъ. Сверкаетъ широкій поясъ, туго охватившій тонкую талію. Сквозь шелковый чулокъ видна удивительная лѣпка ноги. За ними въ такихъ же, стоящихъ цѣлое состояніе костюмахъ — восемь или десять бандерильеро — почти юноши, часто безусые, гордые, съ отважными и наивными лицами, въ серебрѣ одни, въ золотѣ другіе, въ синемъ, красномъ, желтомъ, и все это развѣвается и лучится, и сверкаетъ передъ вами... За ними капеадоры и, точно движущіеся монументы, грузные всадники въ желѣзной обуви съ «кароче» въ рукахъ... Гармонично, увѣренно идетъ на середину арены эта квадрилья — ни одна балетная труппа не поразитъ васъ такимъ благородствомъ и красотой движенія — подъ перезвонъ бубенчиковъ. А позади мулы съ перемычками, назначеніе которыхъ захватить за рога убитаго быка и быстро вынести его съ арены.... Мулы — букеты цвѣтовъ. Ленты и розы вплетены имъ въ хвосты и гривы, надъ теменемъ колышутся султаны изъ страусовыхъ перьевъ, хребты покрыты красною сѣткой съ пышными помпонами... Я думаю, римскій демось не встрѣчалъ такъ восторженно своихъ героевъ, какъ живое кольцо мадридской арены современныхъ гладіаторовъ. Въ народномъ зрѣлищѣ боя быковъ выходъ квадрильи — самый красивый моментъ. Здѣшнія красавицы дурѣютъ отъ этого и влюбляются въ тореро. Зрители видятъ въ нихъ своихъ богатырей и витязей. Думаю, что и Александра Порфирьевна со всею ея московскою выдержкой, сметкой «себѣ на умѣ» теперь душой и тѣломъ мысленно принадлежала донъ Луису. По крайней мѣрѣ, она вся перекинулась за перила ложи — будь у нея крылья,

такъ бы и ринулась въ бездну подъ нею... Я видѣлъ въ бинокль, какъ у нея горѣли глаза, и густой румянецъ такъ и заливалъ возбужденное, восторженное лицо. Она была удивительно хороша въ эту минуту, и едва ли не всѣ кругомъ женщины завидовали ей, а мужчины — донъ Луису. Ни одинъ испанецъ вѣдь не повѣрилъ бы, что она могла отказать, а онъ не воспользоваться. Въ самой наглости — выставкѣ того, чему слѣдовало бы оставаться тайной, — не было опять-таки подъ этимъ преувеличеннымъ и теплымъ солнцемъ ничего оскорбительнаго, противнаго, рѣжущаго глаза. Если бы я хоть тому же сосѣду сказалъ, что она, эта сѣверная красавица, не пустила къ себѣ Маріано, заперла ему двери подъ самымъ носомъ, завсегдатай арены и страстный поклонникъ донъ Луиса счелъ бы меня величайшимъ лжецомъ на свѣтѣ или ее нелѣпѣйшей изъ дуръ. Квадрилья вѣеромъ разбросалась по аренѣ, отойдя къ оя барьеру. Бандерильеро и эспады снимали съ себя сверкающіе золотомъ и серебромъ плащи и бросали ихъ за ограду, друзьямъ на сохраненіе, тѣ краснѣли отъ удовольствія и удовлетвореннаго самолюбія. Это здѣсь большая честь, и мой сосѣдъ, получивъ такую «manta» отъ самого донъ Луиса, напыжился и распустилъ хвостъ. Я думаю, въ эту минуту, по его мнѣнію, вниманіе всѣхъ пяти частей свѣта было обращено именно на него, хранителя священной хоругви... Донъ Луисъ и мнѣ кивнулъ, какъ знакомому, и я сейчасъ же выросъ въ глазахъ всѣхъ меня окружавшихъ.

— Вы замѣтили, донъ Луисъ — онъ вѣдь республиканецъ!

И на мой вопросительный взглядъ, сосѣдъ пояснилъ:

— Какъ же, проходя мимо королевской ложи, вся квадрилья приподняла шляпы, кромѣ Маріано.

— Ну, знаете, здѣсь это обходится дешево. Пожалуй, надо больше мужества поклониться королевѣ, чѣмъ не замѣтить ея! Вы бы попробовали въ другихъ благословенныхъ отечествахъ такъ же!...

XV.

Рѣзко и звонко прозвучали трубы... Пикадоры подтянулись на коняхъ. Чуло подошли къ нимъ и поправили повязки, покрывавшія тотъ глазъ лошади, которымъ она обращена къ быку. Я именно теперь обратилъ вниманіе на этихъ коней. Боже! Друзья моего дѣтства — благородные Россинанты, на какую участь обречены вы въ современной Испаніи! Ребра выступили, шеи тонки, и весь конь какой-то плоскій, точно изъ картона вырѣзанъ. Кажется, станетъ головою къ вамъ, и вы его не различите, въ черточку весь вытянется. По животу шрамы. Должно-быть, побывалъ ужъ здѣсь въ прошлое воскресенье, и его зашили до сегодняшняго. Товарищи коня славнаго Ламанческаго тидальго, какъ мало васъ цѣнятъ неблагородные потомки... Опять рѣзкій звукъ трубы... Ворота корраля распахнулись, и оттуда стремительно, именно вылетѣлъ, а не выбѣжалъ, великолѣпный быкъ, громадный, съ рогами, грозно направленными впередъ и большой широкой кокардой на боку, длинныя ленты которой цвѣтовъ его владѣльца и воспитателя, желтыя съ зеленымъ, далеко откидывались назадъ. Ее сверху въ самое мгновеніе выхода этого четвероногаго богатыря

воткнулъ ему въ кожу ловкій чуло. Что это за животная красота и мощь! Шея — земной шаръ поставь, удержать, мускулы такъ и ходятъ подъ черной нервной кожей, изо рта пѣна падаетъ на желтый песокъ арены... Весь лоспится, глаза въ огнѣ... Выскочилъ на середину, остановился, ослѣпленный свѣтомъ — вечеръ и ночь провелъ въ страшной тьмѣ и злился — роетъ землю... Повелъ мордой вдоль арены и вдругъ, замѣтивъ ближайшаго Россинанта, наклонилъ голову и, подбѣжавъ къ нему, по самый край вонзилъ рога ему въ грудь... Дернулъ вверхъ и поднялъ и Россинанта и всадника, хотя пикадоръ во всю силу упирается острымъ концомъ длиннаго «кароче» въ его плотно натянутую шкуру... Еще одинъ взмахъ могучей шеи — и лошадь выброшена на песокъ, изъ ея пробитой груди фонтаномъ бьетъ кровь... Пикадора подхватили на руки подоспѣвшіе люди. Лѣвая нога его подъ конемъ. Едва высвободили ея оттуда... Несчастная лошадь дѣлаетъ тщетныя усилія подняться... И скоро замираетъ, только заднія ноги ея судорожно вздрагиваютъ... Юркій черномазый чуло подбѣгаетъ и однимъ ударомъ въ темя кончаетъ страданія друга моего дѣтства. Теперь этотъ конь на желтомъ пескѣ арены точно нарисованъ... Никакого рельефа. Пикадора уводятъ подъ руки... Публика свищетъ. Какъ онъ не остановилъ быка, не принявъ его ловчѣе на свое копье и не откинулъ въ сторону. Изуродованный всадникъ, вися на плечахъ товарища, горячо и нервно что-то объясняетъ свищущимъ, но его не слушаютъ. Всѣ глаза опять прикованы къ быку, по черной лоснящейся шерсти котораго бѣгутъ алая, рѣзко выступающія струи крови.

— Посмотрите, какъ донъ Луисъ изучаетъ его характеръ! — шепчетъ мой сосѣдъ.

Дѣйствительно, тотъ не сводить глазъ съ противника. Ему сейчасъ придется итти съ нимъ на единоборство, и густыя брови Маріано хмурятся озабоченно... Я оглядываюсь на Александру Порфирьевну; она не сводить съ быка влюбленныхъ глазъ. Еще бы, вѣдь онъ загодя посвященъ ей. Пусть онъ загодя покажется передъ неизбежной смертью во всей своей силѣ и отвагѣ, сдѣлаетъ цѣлый рядъ подвиговъ, даже, пожалуй, испотрошитъ кого-нибудь изъ этихъ стройныхъ, облитыхъ въ золото красавцевъ... Негрито (такъ зовутъ его) далеко не удовлетворилъ кипящей въ немъ жажды мести и бѣшенства на свое заточеніе, на людей, на самый воздухъ, на всю эту публику, на каждое дыханіе, осмѣливающееся быть на его пути. Вотъ другой Россинантъ. Сѣрый въ яблокахъ... Быкъ взрылъ песокъ копытами и, какъ стрѣла, наклонивъ рога впередъ, швыркомъ бросился на него. Но пикадоръ тамъ былъ искуснѣе. Онъ принялъ его прямо на кароче. Копье согнулось въ дугу и откинуло быка. Новая алая струйки побѣжали по черной кожѣ. Быкъ какъ-то подобрался, первою двинулъ шкурой, сморщилъ громадную шею, и я невольно закрылъ глаза. Конь съ распоротымъ животомъ, припадая, бѣжалъ по аренѣ сослѣпу, а кишки длинными противными пузырями болтались подъ нимъ, и одна длинная тянулась по песку...

— Какая мерзость!

— Ничего! — успокаивалъ меня сосѣдъ. — Ничего. Это не смертельно. Ему вправятъ кишки, зашьютъ шкуру и до слѣдующаго воскресенья поставятъ въ конюшню...

— Да я не о томъ... Мнѣ лошади жаль.

— Знаете... Коню это доставляетъ удовольствіе...

Я хотѣлъ было сказать: желаю и вамъ такого же!

Къ выпотрошенной лошади подбѣжали чуло и давай ее дубасить палками, направляя къ выходу изъ арены въ конюшню. Несчастная, такъ же вздрагивая задомъ, пошла туда, влача за собой свои ужасныя внутренности.

— Bravo toro! Adelante... Que tesoro!.. — одобряла быка арена.

— Negrito, ole!..

— Что за чудный быкъ! — бѣсновались женщины, влюбленные въ эту минуту въ быка-побѣдителя.

— Птичка моя! — замѣтила отъ восторга какая-то мадриленка, такъ и впиваясь въ него горящими глазами.

А птичка въ эту минуту разбѣжался такъ, что перескочилъ черезъ ограду и попалъ за нею въ узкій, шедшій вокругъ арены, коридоръ между оградой и нами, сидѣвшими надъ его рогами на скамьяхъ barrera. Чуло и всѣ, кто былъ въ коридорѣ, перебросятся на арену. Другіе поперекъ коридора ставили доски и въ самой оградѣ открывали быку выходъ обратно, на круглую площадь боя. Каждый изъ сидящихъ на «баррера» наклонялся, желая дотронуться до свирѣпаго животного, пока оно не выскочило опять, куда ему слѣдовало... Чуло мячиками назадъ... Взбѣшенный всѣми этими неожиданностями, Негрито замѣтилъ впереди коня, кинулся на него сзади, наклонилъ башку, и вдругъ конь шарахнулся, описалъ хвостомъ кругъ въ воздухѣ и черезъ голову распластался на желтомъ пескѣ, обильно поя его своею кровью. Пикадоръ тяжело ударился грудью объ ограду. Я видѣлъ, какъ его блѣднаго, какъ смерть, уносили отсюда... Аплодисменты ка-

зались раскатами грома. Пятнадцать тысячъ чело-
вѣкъ на скамьяхъ и въ ложахъ орали, какъ изсту-
пленные...

— Что, донъ Луисъ... Тебѣ достался быкъ хо-
рошій!

— Серьезный противникъ. Съ нимъ придется
поработать!

— Главное, что президенты нынче лошадей жа-
лѣютъ... Быку некогда достаточно потерять силу...
Больше трехъ не даютъ ему...

И точно мой сосѣдъ накликалъ... Опять рѣзко и
звонко заиграли трубы, распахнулись ворота, и въ
нихъ уѣхали пикадоры на уцѣлѣвшихъ коняхъ...
Мы считали первую лошадь съ пробитою грудью
мертвой, вѣдь короткій кинжалъ чуло по самую ру-
коять вошелъ ей въ затылокъ и вдругъ быку захотѣ-
лось, должно-быть, попробовать: такъ ли это. Онъ
мимоходомъ на бѣгу остановился, однимъ движе-
ніемъ поднялъ ее на рога и поставилъ на ноги...
Россинантъ заболталъ неподвижной до тѣхъ поръ го-
ловой, раздвинулъ ноги и остался на нихъ... Быкъ
съ негодованіемъ отбросилъ его прочь и вылетѣлъ
опять на середину арены, оглядываясь во все сторо-
ны налитыми кровью глазами. Донъ Луису захотѣ-
лось показать себя: теперь начиналась отчасти и
его роль. Онъ спокойно подошелъ къ бѣшеному жи-
вотному, сорвалъ съ него кокарду цвѣтовъ маркиза
Гандулла и, не оборачиваясь, медленно вернулся на-
задъ. По всемъ скамьямъ точно пробѣжали электри-
ческія искры. Люди вскочили... Орали что-то,
швыряли донъ Луису шляпы, сигары, онъ кланялся,
благодарилъ, привѣтствовалъ ихъ рукой. На смѣну
пикадорамъ выступили пылкіе, стройные и ловкіе
бандерильеро... Изъ-подъ шелка видны были му-

скулы ихъ тѣлѣ, головы, гордо поставленныя на красивой шеѣ, обращены теперь не на быка, а къ ихъ новіамъ... На губахъ самоувѣренная улыбка. Одинъ швырнулъ манту вверхъ и, не оглядываясь, пошелъ прямо на быка, злобно рывшаго землю... Его догналъ чуло и подалъ двѣ стрѣлы, обвитыхъ разноцвѣтною бумагой... Быкъ удивленный — чего де этому пестрому дураку надо? — уставился на него, поднявъ рога. Положеніе было неудобное, и бандерильеро ударилъ его стрѣлами по пѣнящейся и окровавленной мордѣ. Еще бы, тотъ чуть не всю ее всадилъ въ лошадиный животъ. И она на черномъ тѣлѣ казалась совѣтъ красной. Быкъ кинулся на человѣка. Человѣкъ отскочилъ вправо. Животное пролетѣло впередъ, сдѣлало кругъ по аренѣ и остановилось далеко, совѣтъ ужъ глупо глядя на оравшую публику. Бандерильеро погнался за нимъ и, шаговъ съ двадцати, сталъ подскакивать, взмахивая одновременно обѣими стрѣлами вверхъ, вызывая его на себя. Животное смотрѣло-смотрѣло и, послушавшись приглашенія, наклонило голову и кинулось впередъ на зеленого попугая... Набѣжало, боднуло грозными рогами — я думалъ, что бандерильеро уже болтается на нихъ, но онъ ловко всадилъ обѣ стрѣлы направо и налѣво отъ хребта Негрито и отскочилъ. Быкъ пронесся мимо, перво болтая повисшими на немъ стрѣлами, видимо, недовольный ими. Онъ даже промычалъ что-то въ родѣ: «довольно вамъ дурачиться, свиньи вы эдакія»...

— Случается, быкъ смирный, — пояснялъ мой соседъ, — и тогда бандерильеро вкалываетъ ему не простыя, а огненные стрѣлы... Всадить, а тамъ вспыхнетъ ракета, ну, и быка обовьетъ пламенемъ... Онъ весь въ дыму, обожженный... И, по аренѣ пахнетъ жаренымъ. Самыя кроткія животныя львами дѣлаются отъ этого!

Быкъ бѣжалъ по аренѣ, встряхивая надоѣдавшими ему стрѣлами, а другой бандерильеро, уже красный въ серебрѣ, подходилъ къ нему съ новою парюю такихъ же. Но тутъ Негрито взялся за умъ. Онъ круто обернулся, наклонилъ рога и такъ стремительно кинулся на непріятеля, что несчастный споткнулся и подъ самой мордой освирипѣвшаго животнаго проѣхался фізіономіей по песку арены. Зрители ахнули. Всѣ вскочили на одно мгновеніе — я думалъ, что въ слѣдующее Негрито взброситъ бѣднягу и поймаетъ его на рога, такъ, какъ это сдѣлалъ другой торо съ Гарсіа, вынесеннымъ съ такой же арены уже безъ дыханія... Но донъ Луисъ оказался на высотѣ своей славы. Откуда онъ взялся передъ самыми рогами звѣря? Должно-быть, слѣдилъ за нимъ, изучая, и точно изъ земли выросъ въ роковую для его бандерильеро минуту... Онъ взмахнулъ красную кану, быкъ ударился на плащъ, но плащъ, перелетѣвъ черезъ голову Маріано, оказался уже въ другой его рукѣ. Быкъ туда — и носъ къ носу столкнулся съ тореро. Тотъ швырнулъ ему свою шапку въ глаза, Негрито растерялся. Капа опять заходила во всѣ стороны. Донъ Луисъ игралъ ею передъ остервенѣвшимъ быкомъ, заставляя его кидаться во всѣ стороны. Поворачивался къ нему бокомъ, грудью, спиною, становился передъ нимъ на колѣни. Казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ рухнетъ подъ острыми рогами, но тѣ направлялись въ сторону, и эспада отходилъ безопасно, даже не глядя, что позади дѣлаетъ его страшный врагъ. Публика дошла до величайшаго восторга. Женщины уже стонали; какой-то мальчикъ въ бархатной курткѣ замахалъ пляпой надъ головой и крикнулъ: «Выберемъ его королемъ!» Это даже не вызвало и смѣха... Въ это время несчастный бандерильеро поднялся на ноги и отошелъ въ сторону.

Чуло его вычистили... Онъ что-то крикнулъ Маріано и пошелъ было на быка со своими стрѣлами, но зрители не хотѣли его. Всѣ засвистали, зашикали...

— За что? — спросилъ я у сосѣда.

— Э! Какъ за что... Лучше бы ему быть разорваннымъ рогами, чѣмъ выползти изъ-подъ Негрито, точно свинья въ песокъ и грязи!

— Донъ Луисъ... Донъ Луисъ! — заорали всѣ.

— Донъ Луисъ... Пусть онъ покажетъ бандерильеро!

— Хотимъ Маріано.

Маріано пожалъ плечами. Взялъ изъ дрожавшихъ рукъ бандерильеро стрѣлы и остановился посреди арены, какъ вкопанный. Быкъ тупо глядѣлъ на эспаду. Донъ Луисъ подскочилъ, взмахнулъ бандерильями. Негрито зарылъ копытомъ землю... Донъ Луисъ пошелъ на него. Гора не хотѣла двигаться къ Магомету — и Магометъ самъ направился къ горѣ. Быкъ промышаль: тебѣ де чего? Не надоѣла такая глупая игра? Но Маріано передалъ стрѣлы чуло, а самъ схватилъ красную капу и показалъ ее быку. Тотъ ринулся на лоскутъ плаща, считая, что тутъ-то самое страшное и есть, и донъ Луисъ ловко обернулъ ему голову этимъ плащомъ... Быкъ, должно-быть, ослѣпъ отъ бѣшенства. Онъ закрутился на мѣстѣ, прорвалъ красный лоскутъ рогами, едва-едва высвободилъ изъ-подъ него морду и, уже ни о чемъ не думая, понесся на донъ Луиса. Эспада ждала его съ бандерильями.... Какъ это случилось, мы ничего не могли понять, но когда быкъ уже почти касался остріями роговъ живота Маріано, тотъ молніеносно всадилъ въ него стрѣлы и спокойно отошелъ, вовсе уже не интересуясь, будетъ ли его быкъ преслѣдовать или нѣтъ.

— Какъ онъ знаетъ душу торо! — восхищался мой сосѣдъ.

— Онъ — бычачій психологъ!...

— Да! Вѣдь вы посмотрите на Негрито. Онъ бѣсится на мѣстѣ, но не идетъ за донъ Луисомъ...

«Президенсія» подала знакъ...

Запѣли трубы... Бандерильеро ушли со сцены. Теперь на желтомъ кругѣ арены остались только донъ Луисъ и быкъ... Начинаясь настоящій и послѣдній поединокъ быка съ человѣкомъ...

— Положимъ, Негрито теперь уже ослабѣлъ... Усталъ... — скептически замѣтилъ я.

Но, точно желая меня опровергнуть, Негрито кинулся къ мертвой лошади, ткнулся въ нее, перекатилъ ее на другую сторону такъ, что ея четыре ноги мелькнули въ воздухѣ, потомъ онъ набросился на нее, побѣдно швырнулъ ее черезъ голову... Разлетѣлся рогами въ ограду, только гулъ пошелъ отъ этого страшнаго удара...

— Вы видите! — торжествовалъ мой сосѣдъ. — Нѣтъ, знаете, быкъ — самое ужасное животное. Въ прошломъ году травили его со львомъ. Ну, что же, онъ и льва выпотрошилъ, какъ лошадь...

Одинъ бандерильеро вошелъ на арену и подаль донъ Луису тонкую и длинную толедскую шпагу... Тотъ нѣсколько разъ повернулъ ее въ воздухѣ, точно молнія засверкала изъ его гибкой и вѣрной руки. Должно-быть, пробовалъ, хорошо ли она дѣйствуетъ. Не устала ли кисть, достаточно ли сильны стальные мускулы и быстро ли выпрямляется локоть. Я воображаю, какъ въ эти минуты билось сердце Александры Порфирьевны. Сейчасъ онъ долженъ подойти къ ней и передъ всей этой ареной, въ виду королевъ, посвятить быка и свой роковой ударъ про-

стой иностранкѣ. Кто же въ эту минуту былъ здѣсь королевой, настоящей, безспорной? И вся публика отыскала ее и уставилась на раскраснѣвшуюся и счастливую артистку тысячами завистливыхъ или радостно, во всякомъ случаѣ, возбужденныхъ глазъ. Она себя разомъ почувствовала центромъ всей этой арены. Сейчасъ на ней не донъ Лунсъ, а она владела сердцами обѣихъ Кастилій, Арагона, и, Богъ знаетъ, чего еще. Она наклонилась, точно хотѣла спрятаться, потомъ вдругъ не совладала съ собой и отъ нетерпѣнія встала и выпрямилась...

— *Tiene corazon!* — одобрилъ ее мой сосѣдъ.

— Счастливецъ этотъ донъ Лунсъ...

— Везетъ ему...

На минуту всѣ замерли... Донъ Лунсъ точно зналъ это и длилъ ожиданіе. Еще разъ поигралъ со шпагой, потомъ вытянулъ ее, пропоролъ капю и, держа ее на вѣсу, направился къ намъ. Иллюзія была такъ сильна, что мнѣ казалось, я слышу, какъ бьется сердце Александры Порфирьевны. Вѣрнѣе всего, что билось мое... Маріано подходилъ медленно, красиво, увѣренно... Александра Порфирьевна протянула ему руки... Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и — я такъ и ахнулъ. Точно у меня въ груди что-то оборвалось... Что это, что это?... Александра Порфирьевна — въ своей ложѣ позади. Донъ Лунсъ идетъ дальше... останавливается передъ синьорой Лаборанти... Снимаетъ шляпу, кидаетъ ее вверхъ... Гулъ пронесся по всей аренѣ, точно змѣей пробѣжалъ по всѣмъ ея скамьямъ и замеръ... Зрители тоже были поражены...

— Донья Эльвира!..

Голосъ эспады звучалъ, какъ сталь, рѣзко и звонко.

— Донья Эльвира...

Онъ низко поклонился ей... Потомъ, какъ никто не ожидалъ этого, преклонилъ колѣно.

— Донья Эльвира... Васъ называютъ звѣздой искусства... Я не согласенъ съ этимъ, — вы его солнце! Звѣздъ много, солнце одно... Донья Эльвира! Вашей дивной красотѣ и божественному генію я восторженно посвящаю этого быка!.. Да здравствуетъ донья Эльвира!..

Пятнадцать тысячъ глотокъ орали что-то... Я уже не слушалъ. Я видѣлъ, какъ изъ ложи выносили на рукахъ упавшую въ обморокъ Александру Порфирьевну... Я кинулся туда, къ нимъ, и въ послѣднюю минуту видѣлъ, какъ изъ ложи Лаборанти улыбающаяся донья Эльвира кинула донъ Луису лавровый вѣнокъ... По дорогѣ, вверхъ въ ложу, мнѣ встрѣтился донъ Игнасіо Хиль.

— Что это... Что это такое? — спросилъ я его.

— Э!.. Я говорилъ, предупреждалъ... Ваша соотечественница не заслужила... А донья Эльвира была умнѣе. Она вчера сама пріѣхала къ Мариано.. Ну, и вернулась домой только на разсвѣтѣ..

— Вы это знали?

— Нѣтъ... Мнѣ только сейчасъ рассказала хористка театра Real...

Когда я усадилъ Александру Порфирьевну въ коляску, бѣдную дѣвушку била истерика. Она и плакала, и смѣялась, и ломала мнѣ руки...

СОДЕРЖАНІЕ:

Папочка съ улицы	3
Въ чужой клѣткѣ	29

„ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА“

Новое въ наукѣ, искусствѣ и социальной жизни.

- № 1. Проф. С. Абрамовъ. Проблема омоложенія по Штейнаху. (2-ое изданіе).
№ 3. М. Смоленскій. Троцкій. (2-ое изданіе).
№ 4. Б. Дюшенъ. Теорія относительности Эйнштейна. (2-ое изданіе).
№ 5. В. Сольскій. Крестная ноша.
№ 6. Д-ръ А. Колодный. Новое въ медицинѣ.
№ 7. В. Зензиновъ. Русское Устье.
№ 8. Проф. Д. Пестржецкій. Русская промышленность послѣ революціи.
№ 9. Д-ръ В. Лызловъ. Здоровая и больная личность. (2-ое изданіе).
№ 10. Б. Яковенко. Философія большевизма. (2-ое изданіе).
№ 11. Проф. С. Абрамовъ. Современное ученіе объ иммунитетѣ.
№ 12. Владимиръ Сольскій. Ленинъ.
№ 13-14. К. Каутскій. Соціализація сельскаго хозяйства. Съ пред. авт. къ рус. изд.
№ 15. Б. Дюшенъ. Окраинныя государства.
№ 17. Пр.-д. Б. Соколовъ. Наука въ Сов. Россіи.
№ 19. Проф. Д. Пестржецкій. Рабочій вопросъ въ Сов. Россіи.
№ 20. Б. Яковенко. Очерки американской философіи.
№ 21-23. С. Маковскій. Последніе итоги живописи.
№ 24. Б. Фонъ-Паленъ. Новѣйшія достижения астрономіи.
№ 27-27а. И. Василевскій (Не-Буква). Витте и его мемуары.
№ 28-29. И. Степановъ. Психологія сновидѣній.
№ 30. М. Слонимъ. Предтечи русскаго большевизма.
№ 34-35. Б. Яковенко. Очерки русской философіи.
№ 41-42. Проф. В. Ф. Тотоміанцъ. Сущность и положеніе современной коопераціи.

Russischer Universal Verlag G. m. b. H.

Berlin W 30, Martin-Lutherstr. 96.

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Зеленая Библіотека“

Современная литература

- № 1—2. А. Амштеатровъ. Мечта.
- № 3 Ф. Жаммъ. Исторія дѣвушки
былыхъ временъ. Автор.
переводъ съ франц. И.
Эренбурга.
- № 4—7. Джэкъ Лондонъ. Мартинъ
Идэнь. Ч. I.
- № 8. Г. Мопассанъ. Весной. Раз-
сказы.
- № 9—12. Джэкъ Лондонъ. Мартинъ
Идэнь. Ч. II.
- № 13—14. В. И. Немировичъ Данченко.
Папочка съ улицы.
- № 15—19. А. Стриндбергъ. Исповѣдь
глупца. Переводъ Мих.
Кадишъ.
- № 20—21. С. Л. Поляковъ - Лятовцевъ.
Саббатай Цевн. Повѣсть изъ
эпохи мессіанск. движеній.

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ W 30, Мартинъ-Лютерштрассе 96.

„Всемирный Пантеонъ“

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- № 1—2. Шекспиръ. Гамлетъ.
№ 3—4. Гете. Фаустъ.
№ 5. Гейне. Изъ „Книги Пѣсень“.
№ 6—7. Диккенсъ. Гимнъ Рождеству.
№ 8—9. Додэ. Тартаренъ изъ Тараскона.
№ 10. Козьма Прутковъ. Избранныя
сочиненія. (2-ое изданіе).
№ 11. Шекспиръ. Макбетъ.
№ 12-13. Изъ новѣйшей нѣмецкой ли-
рики. (2-ое изданіе).
№ 14. Поэ. Убіиство въ улицѣ Моргъ.
№ 17-18. Диккенсъ. Сверчокъ на печи.
№ 19. Г. фонъ Гофмансталь. Смерть
Тиціана.
№ 20. Французская лирика.
№ 21-22. Боккаччо. Декамеронъ.
№ 24-25. Еврейскій сборникъ. (Ш. Ашъ,
А. Перець, Х. Бяликъ, Тайтшъ,
Ш. Алейхемъ).
№ 26-27. Данте. Адъ.
№ 28-30. Ф. М. Достоевскій. Бѣдные люди
№ 33-36. Бальзакъ. Шагреновая кожа.